

ВАРВАРА ЕНАЛЬ

ЖИВЫЕ ЭРА ДРАКОНОВ

ДРЕВНИЕ ГОРОДА

ЖИВЫЕ

Варвара Еналь
Древние города

«РОСМЭН»

2018

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Еналь В. Н.

Древние города / В. Н. Еналь — «Росмэн», 2018 — (Живые)

ISBN 978-5-353-08748-9

Вторая книга цикла «Живые. Эра драконов» Варвары Еналь, автора известного постапокалиптического цикла «Живые». Мэши теперь живет среди Всадников, и ее называют Мэй-Си – девушка с душой. Всадника, Владеющая Драконами, посланница Настоящей Матери. Мэй хочет спокойно жить в пустыне, заботиться о мьёках, летать на драконе вместе с Люком, купаться в реке на зеленом острове, но сначала нужно остановить войну, разразившуюся между Городскими и Всадниками. А сделать это можно, лишь узнав тайны древних народов, живших на когда-то высокоразвитой планете Эльси под яркими лучами дневного Светила и в тихом ночном свете Буймиша.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08748-9

© Еналь В. Н., 2018

© Росмэн, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	46
Глава 8	51
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Варвара Еналь
Живые. Эра драконов
Древние города

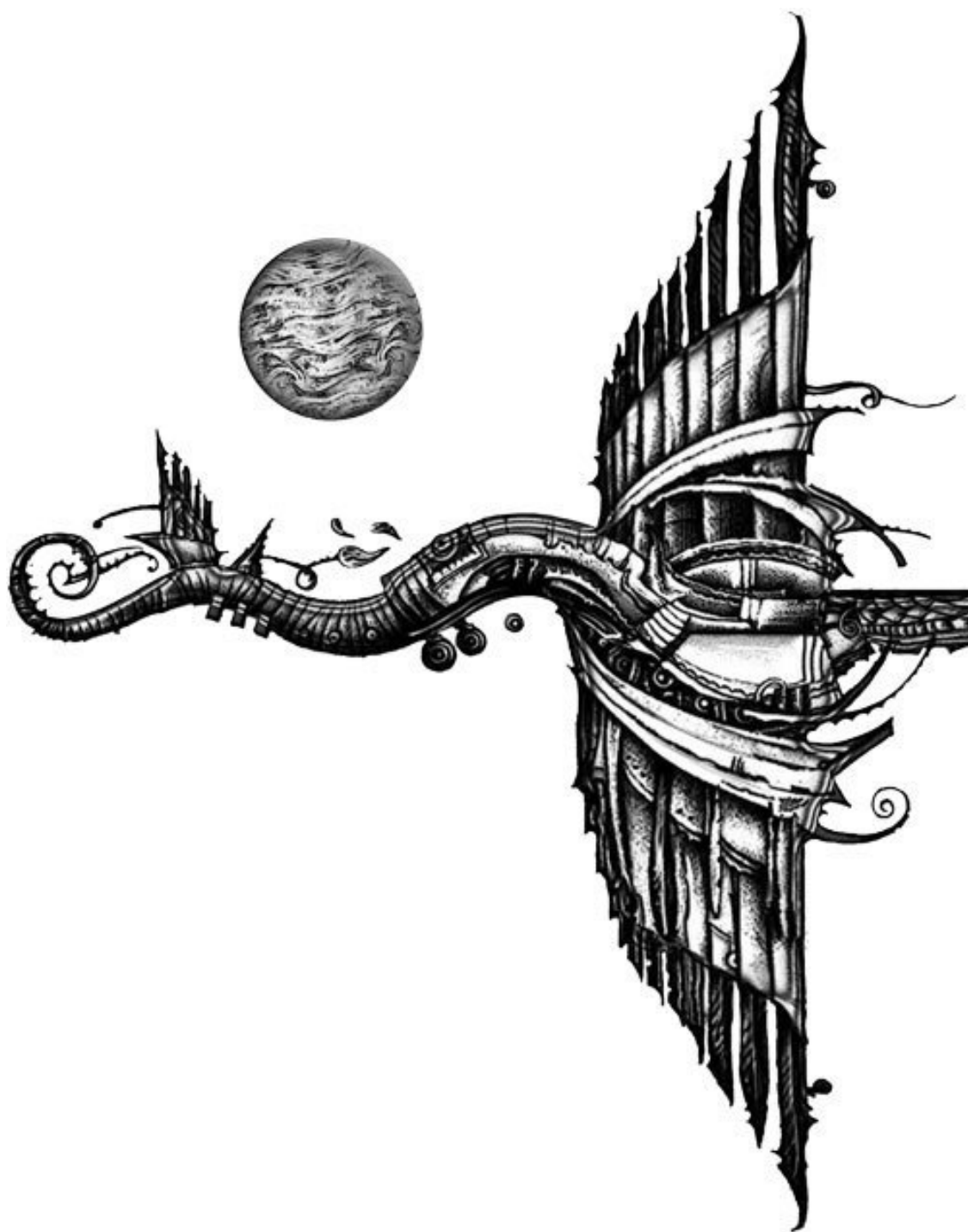
Серия «Живые. Эра драконов»

© Варвара Еналь, текст, 2018

© ООО «РОСМЭН», 2018

* * *

Глава 1

Мэши. Мне нужна твоя помощь

1

– Отличная машина... Кто бы мог подумать... – проговорил задумчиво отец и приблизился к Енси.

Дракон никак не отреагировал на незнакомого человека. Даже голову не повернул. Зато когда Мэй подошла и погладила его темную морду – тихо всхрипнул и мигнул голубыми глазами. Добродушно и ласково мигнул, как хорошему другу.

– Уникальная технология, – проговорил отец. – И значит, ты, Мэши, его совсем не боишься?

– Я летала на нем. Он меня слушается. Хочешь – могу показать. – И Мэй с готовностью направилась к седлу.

– Нет. Давай без полетов сейчас, – тут же встревожился отец. – Я уже понял, что ты вместе с Люком раздобыла для меня лекарства именно на этой машине. Кто бы мог подумать...

– Что я все-таки буду летать?

– Да, что тебе придется подняться в небо. Я желал уберечь тебя именно от этого, а на деле война настигла нас даже вне Города.

– Это не война, отец. Мы не воевали, мы просто грабили. И это было легко.

Мэй улыбнулась. Она не рассказала отцу ни о Деревьях-Гигантах, ни о странных Детях Неба. Хотя ей не терпелось поделиться. Вопросы так и вертелись на языке, и думалось, что отец точно знает ответы.

Люк стоял рядом, улыбался с видом щедрого и гостеприимного хозяина и разрешал осматривать машину со всех сторон. Конечно, у драконьего хвоста отец тут же прочитал надписи и еще раз удивился мощности и уникальности робота. Технические характеристики для него говорили гораздо больше, чем для Мэй. Потому что он в этом разбирался очень хорошо.

– Удивительная вещь этот Живой металл. Он структурирован, его молекулы запоминают цифровую информацию и воспроизводят по заданной программе. Как человеческая ДНК задает программу зародышу, так и у Живого металла. Хотелось бы посмотреть на то, как такие драконы появляются...

Люк промолчал. Но Мэй уже знала из разговора с ним, что он надеется совсем скоро опустить яйцо в источник Живого металла и получить детеныша. Взглянуть бы на это хоть одним глазком, только кто же пустит Городских в Храм Живого металла? Никто.

– Дракон – мощная машина, и у него хорошо развит искусственный интеллект. Он умеет узнавать своего хозяина – идентифицирует его по звуку голоса. Все остальные для него – чужие. Опция распознавания хозяйского голоса или задается вручную в базовой системе, или включается автоматически и ориентируется на первого человека, который с ним начинает говорить. По умолчанию, – добавил отец, – так написано тут, с краю, у хвоста. Вы определяете в системе, кто будет хозяином машины?

Люк не совсем понял, о чем речь. Подошел ближе, положил ладонь на шею Енси и спросил:

– Хочешь сказать, что дракону можно поменять хозяина?

– Можно сказать и так. Дракон ориентируется на голос в первую очередь. После на дээнка. Два параметра, помогающие ему определять хозяина: голос и дээнка.

– А ты сможешь понять, как это сделать? – еще раз спросил Люк.

– Можно попробовать. Надо посмотреть программные установки в твоей машине. Это очень тонкие и сложные технологии, я могу и не разобраться в этом. Насколько я понимаю, в машине используются программы типа «Дерево», которые заключаются в маленьких файлах, но имеют свойство разворачиваться и самоустанавливаться. Такого у нас не делают уже давно, точнее, забыли, как делать. Старинные и сложные технологии. У этой машины должен быть монитор, через который ты можешь им управлять, а не только голосовые команды.

– Монитор есть. – Люк резко двинул пальцем по чешуе, и показалось слишком знакомое окошко. Небольшое, но Люк двинул еще раз и еще – и в воздухе появился прозрачный квадрат, на котором светились выпуклые странные знаки.

– Вот этой штукой у нас никто не умеет управлять. Мы больше голосом, так проще. Да и надобности особой перепрограммировать дракона не было. – Люк замолчал и выжидающе уставился на отца Мэй.

Отец приблизился, всмотрелся, попробовал потыкать пальцами в светящиеся знаки. Тут же появились какие-то колонки, разноцветные полосы и точки. Показались графические рисунки – такие странные, что Мэй только рот открыла от удивления.

– Нет, этих вещей я не знаю, – с некоторой долей грусти сказал отец и отступил. – Думаю, что эти технологии и знания для нас утеряны навсегда.

– Убирай все, Енси, – скомандовал Люк, и тут же висящий в воздухе светящийся квадрат исчез, экран погас, и Енси шумно выдохнул тонкую струю дыма.

– Что я могу сказать? Машина великолепная, и очень жаль, что вы используете ее для нападения... – проговорил отец, развернулся и озабоченно глянул на Мэй.

Он был одет в длинную рубашку из тонкой шерсти, сшитую, видимо, матерью Всадников, и собственные штаны, заправленные в высокие ботинки. Одна рука на перевязи, глаза немного припухшие и щетина на щеках. Но отец был теперь весел, спокоен, а главное – никакой температуры у него уже не было.

Люк и Мэй прилетели прошлым утром и сразу же дали отцу лекарство. К вечеру лихорадка отступила, прямо на глазах. Вспотевший отец пришел в себя, поднялся и сел. А утром, делая ему перевязку, мать Люка удивленно вскрикнула, помянув Настоящую Мать.

– Глазам своим не верю. Рана почти закрылась, разве это возможно? Вчера утром еще все было красным и опухшим... – проговорила она и подняла глаза на отца Мэй.

– Это лекарство. Оно убивает микробов и способствует регенерации тканей. То есть помогает заживлению, – охотно пояснил отец, с улыбкой оглядывая свое плечо.

После он посмотрел на довольную Мэй и коротко похвалил:

– Молодчина, Мэши. Ты просто молодчина.

– Я не одна. Мне помогал Люк, и ему самому досталось. Зимонааки. Пришлось и ему вколоть сыворотку. Надо, кстати, посмотреть, как там его рука.

Мэй не рассказывала отцу о Детях Неба, а значит, об отравленной стреле тоже не стоило говорить. Люк сам придумает, откуда у него рана на предплечье. Ну, скажет, что поцарапался, пока убегал от ополченцев, или еще что-нибудь. Не дурак – в этом Мэй уже убедилась. Потому она только про зимонааков рассказала: как пришлось сражаться с ними и как Люк выручил и скинул червя с ее плеча.

– Значит, дракон, да? – Отец улыбнулся еще шире. – Не ящер – так дракон, выходит так?

– Выходит, что так. Это судьба, да, отец?

– Это воля Настоящей Матери, – тихо проговорила мать Люка, – случайностей не бывает.

Возможно, Всадники правы. Возможно, что не случайно попали отец и Мэй в таинственные и далекие Камлюки. Тут все было по-другому. Просто, бедно, сложно. Жарко и опасно. Но в то же время славно и потрясающе.

Тут были драконы, которых Мэй когда-то ненавидела. Она и сейчас их ненавидит... наверное...

Но только не Енси. Эту зверюгу, «скотину» – как называет ее Люк во время гневных приступов – Мэй любила. Так и есть. И отцу показывала с удовольствием. И стояла рядом с драконьей мордой, и гладила черную чешую на щеках, и ловила себя на мысли, что ей очень уж хочется забраться в седло и отправиться в полет. Люк обещал, что вечером они поедут на остров – купаться и за водой.

И Мэй уже сейчас хотела туда. Думала об этом, мечтала и поглядывала на Люка искоса и с любопытством.

Здесь, у себя дома, он казался серьезным и простым. Он был главным мужчиной в этой семье, и все держалось на нем. С утра, едва прилетели, он отправился за травой и водой для мьёков, проглотив лишь одну чашку кинеля. После помогал с укреплениями палаток, гонял Ника и Жака, чтобы они помогли матери с печкой и с кормежкой двух мьёков, которые жили у палаток.

И только когда отец пожелал глянуть на загадочного робота и Мэй спросила у Люка разрешения, только тогда он немного расслабился, улыбнулся и обратил на Мэй внимание.

– Пошли посмотрим. Что тут такого? – Пожал он плечами.

Отец передвигался медленно, но вид огромного дракона придал ему и сил, и бодрости. Похоже было, что он вовсе забыл о своей ране, рассматривая машину.

– Да, приходится нападать, – сказал Люк в ответ на отцовское замечание о нецелесообразном использовании дракона. – Главная наша задача – охранять источник Живого металла. Это заповедал нам Ким-Киган. Древняя заповедь, наше предназначение, наш долг перед Настоящей Матерью, или Эльши, как вы называете планету. Потому приходится и нападать. И добывать себе еду, чтобы род Всадников не угас.

– А вы не думали перебраться в земли получше? Судя по всему, Настоящая Земля вас не пугает, вы умеете с ней договариваться? – спросил отец, направляясь к каменному столу, у которого возились младшие черноглазые девчонки, а Ник чем-то дразнил их, заставляя пищать и возмущаться.

– Мы должны жить рядом с Храмом Живого металла. Я уже сказал, что главная наша задача – это охранять Живой металл. Для этого у нас драконы. Поэтому уехать из пустыни мы не можем. Ни одна семья не предаст и не забудет свое главное предназначение. – Люк говорил резко и твердо. Глаза его стали серьезными и даже немного злыми.

Ну конечно! Разве можно предлагать Всадникам забыть поручение Настоящей Матери? Это звучит для них как оскорбление и предложение стать трусами и предателями, это Мэй уже хорошо понимала. Потому она слегка дотронулась до руки отца и сказала:

– У них так принято. Для них это важно. Поэтому не спрашивай, почему они не переедут.

Люк улыбнулся и просто сказал:

– Мэй все понимает.

Разговор прервал длинный детский визг, Мэй повернулась и увидела, как обе малышки набросились на Ника и принялись колотить его кулаками и обутыми в льёсы ногами. При этом обе казались злыми и возмущенными.

– Обычные игры, – пояснил Люк и зычно крикнул: – А ну, мелкотня, быстро перестали! Ник, иди сейчас же и выбей оба одеяла – твое и Жака. Быстро, я сказал. И пусть младшие девочки тебе помогут. – Люк усмехнулся и добавил: – Этих надо держать в строгости, иначе все тут перевернут.

Мэй улыбнулась, но тут же встревоженно спросила:

– К нам кто-то едет? Кто-то верхом на мьёке, да?

Люк всмотрелся в далекие края барханов и согласился:

– Да, едет. И я знаю, кто это. Надо встречать гостя. – Глаза его весело заблестели, он расправил плечи и сказал: – Лучше вам будет уйти в палатку, чтобы она вас не заметила. Это подруга моих сестер, дочь одного из отцов клана. Она уже приезжала ко мне, и ты, Мэй, ее видела. Интересно, что за новости она привезла?

2

Отец не высказал ни удивления, ни огорчения. Мэй глянула на него и поняла, что тот устал. Слабость после болезни давала о себе знать, потому она тут же взяла отца за руку и потянула к палаткам со словами:

– Пойдем. Тебе надо отдохнуть.

Растянувшись на удобной шкуре, отец проговорил, с трудом переводя дыхание:

– Неплохо они тут устроились. Каждая семья – сама за себя.

– И все решают мужчины, – хмыкнула Мэй.

– И мужчины погибают в войнах. Все как у нас, в общем и целом. Только гораздо жарче и нет воды...

В палатке появилась лохматая голова Ника, повертелась в разные стороны, потом он шмыгнул носом и пролез внутрь. Посмотрел с некоторой долей уважения на Мэй и сказал, как всегда, бесцеремонно и уверенно:

– Люк хочет жениться на тебе. Думаю, что он не отпустит вас. Ты отлично летаешь на драконе, Енси признал тебя своим.

Мэй от удивления чуть не свалилась на пол – такими неожиданными были слова Ника. Мысль о том, чтобы жить в палатке и рожать мальчиков для Люка, была такой дикой, что она прыснула от смеха. Отец тоже улыбнулся, но лишь чуть-чуть. А после спросил:

– С чего ты это взял?

– Что я, Люка не знаю? Он собирался выбрать невесту, ему уже надо. А он вместо этого разъезжает с Мэй на драконах...

– Это была охота, – резко оборвала его Мэй, – это была просто охота.

Она поднялась и выбралась наружу. Слушать глупости Ника не хотелось. Будет сейчас болтать и посмеиваться, младший братишка Люка. С младшими всегда так, она и сама подшучивала над Хаши и Рошем, пока те были живы.

Темноглазая смуглая девушка стояла около Люка, улыбалась ему, и блестящие сережки в ее ушах покачивались в такт словам. На руках у нее были плетенные из кожаных шнуров обереги, на ногах – браслеты из красного металла, украшенные какими-то бордовыми камушками. Волосы заплетены во множество косичек и откинuty назад, падая каскадом до поясницы.

Девушка была очень красивой – тоненькая, гибкая, легкая. Она постоянно менялась – то улыбалась, то наклоняла голову, и глаза ее приобретали более светлый оттенок, то отступала на

шаг и раскрывала ладони – странный жест, от которого подрагивали сережки в ушах и качались бусины на браслетах.

Люк смотрел на нее с улыбкой и восхищением. Да, он не может жениться на этой девушке, он уже говорил об этом Мэй. Но он в нее, видимо, влюблен. Смотрит и не отводит глаз. И улыбается, улыбается, улыбается. Сверкает зубами добродушно и ласково.

О чем они говорят? Что обсуждают?

Но вот наконец девушка сложила ладони и провела ими от подбородка до груди. А Люк выставил растопыренную пятерню, и оба двинулись к мьёку, который привез сюда девушку. Визит окончен.

Мэй страшно хотелось спросить, зачем черноволосая красавица приезжала сюда? Что ей надо?

Но собственная гордость не позволяла.

Настроение вдруг упало. Мэй вернулась в палатку, плюхнулась рядом с отцом и сделала вид, что слушает его разговор с Ником. Но отцовские слова оставались лишь внешним фоном. Внутри клубилось раздражение и еще что-то непонятное. Мэй не могла разобрать, что это сейчас с ней. Лишь хмурилась и теребила шнурок, на котором висел кулон.

Ей не нравится, что девчонка разговаривает с Люком. Не нравится, и все. Вот в чем дело. Она вообще не хочет, чтобы Люк смотрел на эту черноглазую красавицу и улыбался ей.

Раз ты не станешь женой этого Всадника, то чего шастаешь сюда чуть ли не каждый день? Что это за правила такие? Нечего сюда ездить вообще! Путока бестолковая!

Мэй дернула шнурок, и в руках оказалась гладкая, слегка теплая поверхность овального кулона. Мэй глянула на него, прикрывая ладошкой от отца и Ника, и тут же торопливо сунула за воротник футболки. Сейчас его не надо никому показывать. Пока – не надо.

И у Люка такой же кулон. И это связывает их обоих. Общая тайна, общие полеты, общая история.

А у этой черноглазой нет ничего общего с Люком и не будет. И драконов она боится. И Люк небось ни разу не целовал ее в щеку.

Мэй вдруг усмехнулась и подумала, что вот сейчас на самом деле она ревнует Люка к приезжей девушке. Вот же глупая! Сидит в палатке и ревнует Всадника, которого всего пару дней назад считала врагом. А сейчас он что? Стал другом и помощником?

Выходит, что так. Нет, Мэй не на стороне Всадников, она не переметнулась к врагам. Но что-то изменилось в ней. Только понять это невозможно. Нельзя.

Все стало запутанным и сложным. Надо бы поделиться с отцом, но рядом с ним сейчас сидит Ник и объясняет, как надо правильно кормить мьёков. Отец слушает его, задает вопросы, и, судя по всему, эти двое нашли общий язык.

В палатку заглянул Люк и позвал:

– Мэй, ты мне нужна. Я хочу кое-что сказать тебе.

Сердце стукнуло где-то у самого горла. Глупое волнение поднялось внутри и охватило с ног до головы. Что за ерунда? Почему это Мэй волнуется, ожидая разговора с Люком? С ума сошла, что ли?

Она молча поднялась и вышла.

3

– Мне нужна твоя помощь. – Люк был очень краток.

Они устроились за палатками на больших плоских валунах. Оказалось, что за палатками тоже было удобное место для костра, и называлось оно мужским. Раньше Люк и его отец обсуждали тут предстоящие вылазки.

– Что надо сделать?

– Это непросто. Я бы не просил тебя, но сейчас нет другого выхода. Видишь ли, яйцо, которое вы с отцом хотели захватить, принадлежало большому дракону. Отцовскому дракону Хмусу. Драконы не слушаются кого попало, ты сама это уже поняла. Твой отец это тоже понял. Владеть драконом может только человек, который его вырастил.

Поэтому я удивлен, что Енси признал тебя своей и подчинился тебе.

Люк замолчал, посмотрел прямо в глаза Мэй, дотронулся до ее ладони – осторожно и мягко, словно хотел просто привлечь внимание и усилить свои слова. После снова заговорил:

– После смерти отца у нас остался его дракон Хмус. Ты уже сама видела, что драконы нам нужны не только для нападения на Города. Мы привозим на них воду, траву, фрукты – все, что необходимо. Второй дракон – это возможность лучше обеспечить семью, это достаток и сытость. Это хорошая жизнь для семьи. И мне очень нужно было оставить в семье Хмуса. Чтобы выросли мои братья и сестры, чтобы семья не зачахла и не исчезла.

Вот потому я посадил на Хмуса братьев. Это был опрометчивый шаг, я рисковал их жизнями. Но и другого выхода не было. Если у нас останется один Енси, я не смогу заботиться о семье как следует. Не смогу собрать подарки для семьи невесты, не смогу обеспечить всех едой и питьем в достатке. В мой род не придут невесты и не будет продолжения. Не будет детей, потомков.

Хмус не стал слушать моих братьев и пожелал отомстить вашему Городу. Если дракон выходит из повиновения – это страшно. Ты сама понимаешь. Потому я уничтожил Хмуса с помощью Последнего Клича Всадников. Это специальная штука с программой, уничтожающей Живой металл. Потому Хмус взорвался, оставив после себя яйцо с платой. И мне теперь надо сделать так, чтобы эта плата осталась в моей семье. Совет отцов желает ее забрать и передать в другую семью, потому что у нас не осталось взрослых мужчин, способных владеть драконом. Ты понимаешь меня?

– Понимаю. Братья твои слишком малы, а ты не можешь летать сразу на двух машинах.

– Да, правильно. Но если братья выведут дракона из яйца, то спустя три-четыре Буймиша они станут отличными Всадниками, и наша семья обретет силу. Мне надо сохранить плату во что бы то ни стало.

– Я поняла. – Мэй закивала. – Но чем я могу помочь?

– Мне надо представить совету отцов Всадника, могущего летать на драконе. Сказать, что у меня в семье есть тот, кто владеет машиной. Два Всадника. Тогда, по всем правилам, плата остается в семье, потому что она и так принадлежит семье.

– А я что могу сделать?

– Ты можешь сказать, что являешься моей невестой. Ты ведь летаешь на драконе. Ты – моя невеста, владеющая драконом. Ты умеешь летать, Енси признает тебя. Нам поверят. Только на время совета и до Затмения. Как раз отец твой поправится за это время. А после Затмения, когда будет выведен из платы дракон и мои братья станут его владельцами, я отвезу тебя к Плавающим домам. Прямо к Плавающим домам доставлю тебя и отца. Что скажешь? Выручишь меня?

Глава 2

Мэши. Кого избирает Настоящая Мать

1

– Я – твоя невеста? Прямо так и сказать? – Мэй откинулась назад, уставилась на Люка и уточнила: – Ты с ума сошел, да?

– Почему с ума сошел? Я же сказал, что все это не по-настоящему. Вылупится дракон, и ты с отцом будешь свободна и уйдешь.

– Мне шестнадцать Буймишей, я не могу быть ничьей невестой! У нас так не принято!

– А у нас принято. Что в этом непонятного? Это же не значит, что я прямо завтра женюсь на тебе. Должно пройти хотя бы одно Время Прилива, и только после этого у нас принято играть свадьбы. А то и два Времени Прилива. А ты в это время уже будешь далеко, ты и твой отец.

– А что ты скажешь отцам клана, когда мы уйдем? Куда делась невеста?

– Скажу, что твой отец передумал и забрал тебя. Так бывает, за девушек всегда решают их отцы и братья. Главное – второй дракон останется у нас.

– Чтобы твои младшие братья летали на нем? Мой отец никогда на такое не согласится.

– Дракону нужно время, чтобы подрасти. Года два или три. И если ты такая упертая, я могу дать торжественное обещание перед лицом Настоящей Матери, что младшие братья начнут летать только тогда, когда их голоса поменяются и начнут звучать по-мужски. Не раньше. Клятва, данная перед Настоящей Матерью, считается нерушимой.

Мэй ничего не отвечала. Смотрела прямо в чернущие глаза Люка, хмурилась и с трудом сдерживалась, чтобы не наговорить этому «умному» Всаднику грубостей.

– Мэй, – Люк заговорил чуть тише и не отвел взор, – я ведь помог тебе, когда это надо было. Теперь прошу, чтобы ты помогла мне. У тебя получится, Енси тебя слушает. Это невероятно, чужим драконом сложно управлять, почти невозможно. А у тебя получается. Не зря же машина тебя признала, поверь. От тебя ничего особенно не требуется, просто показать, как ты умеешь летать на Енси, и подтвердить, что ты – моя невеста.

Ну, конечно, он ей помог. Это верно. Сначала подстрелил отца, а после спас от зимона-аков и помог достать лекарства. И сейчас кормит и поит, предоставляет кров. А еще делится своим драконом. А от нее просит совсем малость – назваться невестой.

– А мне не придется приносить клятву перед Настоящей Матерью? – уточнила Мэй.

– Нет, такого вообще никто от девушек не требует. Да и мне не придется. Это наше с тобой дело. Хотим – поженимся. Не хотим – не поженимся. У нас только принято собирать подарки семье невесты. Чем богаче семья, тем больше должны быть подарки. Но ты не волнуйся, мы соберем тебе с отцом и одежду, и ткань, и шерсть. И мѣковы шкуры, если хотите.

– Подарков нам точно не надо. Отец не возьмет ничего, наоборот, как только поправится, попробует вам помочь чем-нибудь. Он просто такой всегда, он помогает, если может.

Мэй задумалась всего на секунду, вздохнула. Злость уже улетучилась, и теперь внутри тихо, но настойчиво шептала совесть, напоминая, что Люк действительно ей помог. И спас от червей. И кормит сейчас, и поит. И потому надо его выручить. Подумаешь – обмануть парочку стариков. Это даже интересно будет. Невеста Всадника – такого еще ни с кем из Городских не бывало.

– Ладно. Если мы точно уберемся с отцом отсюда – а мы уберемся! – и если не надо давать никакой клятвы, то я согласна. И еще вот что. – Мэй сощурилась и выдала: – Целовать тебя я тоже не буду ни перед кем!

Люк хохотнул и заверил, что этого и не понадобится.

– Тогда сегодня после обеда будет совет отцов. Полетим вместе, договорились? – уточнил Люк, все так же серьезно и пытливо всматриваясь в Мэй.

– Да. Считаю, что договорились.

– Тогда пошли обедать. У ма все готово.

2

Действительно, уже вовсю пахло жареным мясом. Мать семейства с утра возилась у плиты, поворачиваясь то к столу, то к печке, то к бочкам с водой. Мэй еще подумала, что когда каждая семья живет сама по себе и готовит сама на себя – это очень неудобно. Каждый день кто-то должен торчать у котелков.

В Городах готовили на весь уровень. То есть на каждом уровне была одна большая кухня, переходящая в столовую, и там работали повара, которым платили. Или, если уровень был небольшой и там жило мало людей, готовили по очереди. Назначали дежурство. Это экономило массу времени.

А в пустыне были совсем другие порядки. И Мэй который день наблюдала, как мать возится у печи.

Усаживаясь за стол, Мэй придвинулась к отцу и вздохнула, прогоняя неловкость. С утра ее преследуют разные чувства и мысли. Ей кажется, что она заблудилась. Потерялась во времени. Совершила какую-то глупую и досадную ошибку, и теперь линия ее жизни искривилась, изогнулась и вывела совсем в другую сторону. Вовсе не туда, куда направлялись поначалу. Только вот невозможно никак понять, в какой момент была допущена ошибка. Где Мэй заблудилась, на каком повороте пошла не туда?

Может, не надо было отцу преследовать мальчишек-Всадников? Может, не надо было вообще соваться к подбитому дракону? Тогда они двигались бы в направлении Плавающих домов, и все было бы точно по плану. По отцовскому плану.

И тогда бы Мэй не познакомилась ни с Люком, ни с Енси. Не научилась летать на драконе, не поднялась бы до самых облаков, не видела бы потрясающе прекрасную землю с высоты полета. И загадочного кулона у нее сейчас не было бы.

Мэй не могла понять, чего она хочет на самом деле. Разум говорил, что это безумие – жить вместе с Всадниками и летать на их машинах. Безумие и предательство.

Но чувства говорили обратное. И, разглядывая глиняные миски, что осторожно ставила на стол малышка Гимья, которой, как объяснил Люк, недавно пошел пятый Буймиш, Мэй понимала, что ей нравится тут сидеть.

В Камлюках ей стало нравиться все. И широкие палатки, дающие тень и убежище, и горячий песок под ногами, и смешные черноглазые сестренки Люка, и даже загадочные медлительные мьёки, на чьих шкурах ей доводилось проводить ночи. Ей нравился дракон, и ей хотелось на нем летать. Прямо вот сегодня вечером хотелось забраться в седло, хлопнуть ладонью по шее и подняться в воздух. Увидеть далеко внизу спокойную сине-черную воду, вершушки островов, почувствовать ветер и соль на губах. Наблюдать, как медленно опускается за воду светило.

И чтобы обязательно за спиной сидел Люк. Говорил что-то хриплым голосом, и его рука лежала бы на талии, придерживая Мэй.

Все это было связано между собой: Люк, дракон и сумасшедшие полеты. Все было единым целым. Одной историей, одним приключением. Одной большой картинкой, в которой Мэй занимала свое место.

И, сидя рядом с отцом за каменным столом в пустыне, Мэй с ужасом вдруг подумала, что именно этого и хотела бы для себя. Глупость! Самая большая глупость, которая даже в голове не уместается!

Но так оно и было на самом деле. Потому вечером Мэй предстанет перед глазами отцов клана и с самым невинным видом заверит, что является невестой Всадника Люка.

Это было и глупо, и здорово. Опасно и потрясающе. Она хотела этого, но в то же время опасалась. Теперь Мэй по самые уши увязнет тут, у Всадников. И неясно, когда выберется. И захочет ли выбраться вообще?

Отец был спокоен и весел. Расстраивать его не хотелось. Сегодня он наконец почувствовал себя лучше и, видимо, наслаждался хорошим самочувствием. Улыбался и болтал с Ником (Жак отправился помогать старшей девочке с мьёками). Играл обтесанными камушками, строя башенки для самой младшей девочки. Другими словами, вел себя так, будто был не в гостях у заклятых врагов, а заглянул на огонек к лучшим друзьям, с которыми был давным-давно знаком и которые были ему очень рады.

Что он думает по поводу всего этого? Мэй так и не успела поговорить с ним с глазу на глаз, не рассказала ни о таинственном подземелье в развалинах у Первого Города, ни о ключе, висящем теперь на шее. А когда-то у нее не было секретов от отца, когда-то она рассказывала ему о всех событиях в своей жизни.

Надо рассказать и сейчас. Спросить совета и, как всегда, почувствовать, что отец уверен и знает, что надо делать. И Мэй расскажет ему все, обязательно расскажет. Только не сейчас, а после совета отцов и после полета на острова. Ночью, когда будут отдыхать в палатке, только вдвоем. Вот тогда она и поделится с отцом, и спросит его совета.

Мэй вздохнула, улыбнулась матери Люка и приняла из ее рук мисочку, доверху наполненную печеным мясом.

В этот раз блюдо было приготовлено по-другому. Мясо не жарили на прутиках на открытом огне, а завернули в длинные листья какого-то растения и запекли на углях. А еще к нему были большие круглые лепешки из тимайю, видимо, той самой, которую в прошлую вылазку украл Люк. Все это так вкусно пахло, что Мэй потянулась было к миске и схватила за обточенные заостренные палочки, которыми тут накалывали мясо. Но вовремя замерла, заметив, что никто за столом не принимается за еду.

И младшие девочки, и Ник, и серьезная Нгака, в ушах которой висели длинные, тонкие цепочки из красного металла, украшенные крошечными красненькими камушками, – все сидели и чего-то ждали. Мэй вопросительно глянула на Люка, и тот сложил ладони и показал, что надо сначала помолиться.

Вот же, а она и забыла об этих дурацких религиозных правилах Всадников. Ладно, что там надо сделать?

Тут появилась мать Люка, поставила на стол два больших пузатых кувшина и коротко сказала:

– Начнем трапезу. Пусть главный мужчина клана призовет милость Настоящей Матери.

И тогда Люк помолился. Как обычно – сложил ладони перед лицом, наклонил голову и просто сказал:

– Благодарим тебя, Настоящая Мать, за жизнь и пищу.

После этого дети набросились на еду. Шумно принялся жевать Ник, захлопал кинель в чашке Нгаки, завозилась самая маленькая девочка, выхватывая из миски куски побольше. Отец тут же спросил, почему мама Люка не садится за еду. Та объяснила, что старшая женщина сначала кормит всю семью, а уж после ест.

– Такие правила? – уточнил отец. – От них нельзя отступить? У нас в Городах вся семья садится за стол, и женщины тоже. У нас так принято.

– Женщина прислуживает за столом, только когда гости. Садись, ма, поешь с нами. А то мне скоро уезжать, и мы так и не успеем поговорить друг с другом, – тут же спохватился Люк.

– Садись, Еника, иначе тут ничего не останется, – снова попросил отец.

Значит, мать Люка зовут Еника. И Люк совсем не похож на нее. Глаза у матери круглые, большие, брови чуть широковаты и опускаются вниз. Даже нос немного другой формы – более крупный и более круглый. Из всех мальчиков на нее больше всего походил Ник: такой же нос, глаза и подбородок. А Люк, видимо, весь удался в отца.

Совместная еда прошла спокойно и даже весело. Неловкость, которую Мэй чувствовала поначалу, быстро улетучилась, сразу после того, как Нгака принялась рассказывать, как ловко Люк и Мэй помогли загнать маток мьёсов в загоны.

– Я когда приехала, уже все было сделано, – сообщала она, вытирая ладонью рот, – теперь осталось только дожидаться малышей. И одного я точно выберу себе. Хочу двоих верховых мьёков для себя.

– Кто тебе даст? – лениво возразил Люк. – Животные нужны для шерсти. Как можно больше шерсти. А для езды у нас и так хватает. Шерсть мы можем продать клану, который живет около Храма. Они заплатят красной посудой и красными ножами. И браслетами для вас, и сережками – все как вы любите.

– Одного малыша мне, я сказала! – не унималась Нгака. – Иначе кто вам будет прясть вашу шерсть? Никто!

– Ты будешь, вместе с матерью. Прясть, делать нитки, делать ткань. Все как всегда.

Тишины за столом не было. Ник что-то пытался рассказать отцу Мэй, младшие девочки пихали друг друга и то и дело пролезали под столом, шастали к бочкам с водой и поливали друг другу на руки. Нгака препиралась с Люком. И только Мэй ела молча, наблюдая за всем этим.

Да, тут было шумно и беспокойно, но тут была жизнь. И она слишком уж отличалась от того порядка, спокойствия и неподвижности, что царили в доме Мэй в Третьем Городе. Когда за полдня всех звуков – это только шлепанье ящерицы по полу и легкое гудение убирающего леки, когда ждешь возвращения отца с работы, считая минуты, и бежишь встречать у порога. Когда сбегаешь от странного беззвучия к подруге отца в клинику и сидишь, сидишь часами, наблюдая за циферблатом на больших электронных часах. Когда с сожалением провожаешь одноклассниц до дома, понимая, что еще чуть-чуть – и они скроются за дверьми, в семьях, и одиночество снова навалится холодной молчаливой глыбой.

А здесь все гудело, шумело, булькало и выкипало. Двигалось, ругалось, улыбалось. Пихалось и говорило.

Молчаливой в этом семействе была только мать Еника. Молчаливой, спокойной, расслабленной. Уверенной и добродушной. Она знала, как управлять всем этим большим сооб-

ществом. И ее слушались. Достаточно было только поднять одну бровь и кивнуть Нгаке, как та тут же принялась собирать остатки еды со стола и кидать в печь. А две младшие взялись относить опустевшие миски. Да, вывалили их в песке, но ведь все равно мыть...

Вот Жак ринулся помогать сестрам. Вот поднялся легкий ветер, и Люк опустил натянутую между деревянными столбами ткань, закрывающую стол от песка. Все двигалось, несмотря на хаос и многоголосицу. Каждый знал свое дело и умел его делать.

И Мэй видела, как это впечатляло отца.

Она улыбнулась ему и хотела спросить, понравилось ли мьёково мясо, как на плечо легла рука Люка.

– Нам пора. Тут и без нас управятся, – коротко сказал он.

3

Енси опустился у неровной, бугристой стены, один край которой поднимался выше другого и торчал угрюмым каменным осколком. Почерневшая, осевшая стена казалась такой же старой и древней, как и вся пустыня Камлюки.

Яростный костер полыхал у ее основания, а чуть дальше, на огромной площадке, там, где песка было немного и проступала оголенная скала, стояли драконы. Так много драконов, что Мэй и не могла сосчитать. И они уже не казались милыми и дружелюбными, как Енси. Их сложенные крылья, прикрытые глаза и торчащие в разные стороны рога пугали, угрожали, наводили ужас.

Каждый дракон был особенным – это Мэй сумела разглядеть с высоты, пока подлетали. У кого-то на носу и по всей голове выступали острые шипы, у кого-то на крыльях торчали рога. Голова одного казалась большой, а выступающая челюсть придавала выражение свирепости.

Драконы стояли неподвижно, лишь некоторые лениво и медленно выпускали дым из ноздрей, отчего драконья площадка временами покрывалась дымной завесой.

Спустившись с Енси, Мэй оглянулась на множество мужчин, устроившихся у костра, и почувствовала, как ее одолевает робость. Даже не робость, а нервная дрожь. Перед ней были воины, закаленные в битвах. Свирепые, серьезные, строгие. Длинные волосы большинства из них были убраны в хвосты и украшены кожаными рыжими и зелеными лентами. Многие стояли с обнаженной грудью, и можно было видеть темно-синие татуировки – развернутые пасти драконов с горящими глазами. Ни один из воинов не улыбался, никто не был настроен дружелюбно.

Мэй тут не ждали. Ей не были рады, к ней относились с опаской. Она была врагом для всех этих свирепых мужчин, вооруженных арбалетами и лучевыми мечами. Ее могут убить одним движением, едва она навлечет на себя гнев или даже просто неудовольствие.

Другими словами, если Мэй не понравится отцам клана, с ней, видимо, не станут церемониться...

И зачем только Люк задумал всю эту авантюру?

Но Люк не смущался и не тревожился. Он стал спокойным, и его глаза заблестели так же презрительно и дико, как и у остальных Всадников. Он был в своей стихии, он знал правила, он ловил настроение.

Потому тихо приказал Мэй держаться рядом, но чуть за спиной. Шагнул вперед, медленно и с огромным достоинством. Вышел к костру, встал перед воинами. Мэй, потя от страха, двинулась следом. Люк слегка поклонился, и Мэй сделала то же. Люк не отводил глаз от отцов клана, и Мэй старалась держать голову ровно.

Раз такое дело, надо хотя бы показать, что Городские девушки вовсе не трусихи и умеют общаться с врагом. Или Всадники сейчас не враги? Если бы еще разобраться и определиться во всем этом...

– Мое имя Гайен-Сей-Сай-Люк, я сын Гайена-Ким-Лагена-Дюка. Мой отец – храбрый воин, сын храброго воина. Он сражался за клан, он побеждал во многих битвах. Он дал жизнь многим детям, из которых четверо – мальчики. Но он погиб, сражаясь за клан, и после него остался дракон. В семье есть мужчины, способные владеть машиной, но в их жизни Буймиш поднимался в самый зенит только семь раз. Мои братья – воины, но еще слишком маленькие воины. Им не удалось управлять отцовским драконом, и Хмус моего отца погиб. И теперь я пришел к отцам клана с просьбой оставить плату отцовского дракона в семье и позволить на Праздник Посвящения опустить плату в священный источник Живого металла и дать жизнь новому дракону.

Закончив, Люк поклонился еще раз, и Мэй поклонилась вслед за ним.

На какое-то время воцарилась тишина. Никто не возражал, не говорил – никто вообще не делал ничего. Суровые воины молчали, рассматривая Люка.

Мэй растерялась. Почему они молчат? Решили отказать? Им не понравилась учтивая речь?

Молчание длилось минут пять, наверное, но Мэй эти минуты показали вечностью. Она стала ощущать, как медленно и лениво дует едва заметный ветер, как шевелится песок под ногами, сдуваемый этими легкими порывами. Как еле заметно выдыхают дым драконы где-то за спиной.

Наконец один из отцов клана заговорил. Сложив ладони перед лицом, он поклонился, и голос его зазвучал низко и тихо. Был он наполнен каким-то напряжением, силой, что готова была вот-вот вырваться наружу. И Мэй при его звуках еле сдержала дрожь в ногах.

– Пусть Настоящая Мать даст нам всем мудрости. Мы охраняем священный источник, что доверила нам Мать, и нас должно быть много. Мы должны сохранить наши правила и наши традиции. Сохранить наши семьи и наших воинов. Мы принимаем верное решение, и да поможет нам всем Настоящая Мать.

Остальные тихо выдохнули звук, похожий на «Га!», только более мягко.

Тогда воин заговорил снова. Он опустил руки, и кожаные браслеты на запястьях тоже опустились.

– Кто будет владеть драконом, пока твои братья подрастают? Машина не может стоять просто так, а братья твои еще слишком малы. Только один вопрос.

Мэй вдруг поняла, что наступил главный момент. Что сейчас все и решится. И Люк напряжен, но тверд. Он знает, что будет говорить, и надеется выйти из затруднения с честью.

– Настоящая Мать благоволит к своему народу, – начал Люк, – и всегда заботится о нем. Если только ее народ, племя Инимайтов, с честью выполняет свой долг, свои обязательства. Семья моего отца Гайена-Ким-Лагена-Дюка всегда была верна Настоящей Матери, и никто не упрекал мужчин этой семьи в трусости. И братья мои не трусились, но принесли плату дракона в целостности и сохранности, хотя по их следам шли коварные Вурноги, вооруженные до зубов. Но меч Вурногов не достиг моих братьев, хотя те и надеялись, что мертвые мальчики не расскажут ничего и никому. Настоящая Мать послала защитника братьям, который разделит с ними трапезу. Это был Городской. Через правило трапезы он стал нашим другом. Правила, что оставил нам посланник Настоящей Матери Ким-Киган, священны. Разве не так?

Воины согласно закивали.

– Правила священны, и я подчинился им. Потому Городской стал нашим другом. Я привез его и дал приют, а когда Городской заболел, его дочь сказала, что не оставит отца в беде. И попросила полететь на моем драконе и раздобыть лекарства. Она сказала, что знает, где хранятся лекарства. И дракон мой ей подчинился. Он стал послушным ее рукам, он признал в ней Всадника. И я подумал, отцы, что души Городских были душами Всадников и потому они решили покинуть свои Города, ибо Городских я встретил на ничьей земле, в лесах. Мой дракон подчинился Мэй, и она добыла лекарства. И если у кого-то близкие страдают лихорадкой, мы

можем помочь. Лекарства подняли ее отца за одну ночь. И теперь, отцы клана, я хочу взять в жены Мэй, у которой душа Всадника. Мы выведем дракона на Празднике Посвящения, и Мэй станет им владеть.

Люк еще раз поклонился.

Взоры отцов клана обратились к Мэй. Они рассматривали ее пристально, сурово, подозрительно. Поначалу никто ничего не говорил, и тишина нарушалась лишь треском пылающего костра. Но чуть позже один из отцов сказал:

– Дракон ей подчиняется, так?

Люк повернулся к Мэй и попросил:

– Подойди к Енси и положи ладонь ему между глаз.

Мэй уже проделывала такое сегодня утром, когда отец осматривал Енси. Ей показалось, что это успокоит машину, потому она поглаживала его морду и почесывала лоб. Просьба не показалась странной или непонятной. Она направилась к машине, и отцы двинулись за ней.

Это пугало – то, что суровые, строгие, свирепые мужчины следуют по стопам лохматой девчонки, уставшей от жары, беспокоящейся о будущем и абсолютно бестолковой во всем, что касалось войны и боя.

Мэй приблизилась к Енси, тот открыл глаза и приветливо хрюкнул. Мэй поднялась на цыпочки и погладила черную морду, после провела рукой между глаз, и дракон покорно прикрыл веки.

– Га! – громко и энергично выдали отцы клана.

После они повернулись и удалились к костру и стене.

Люк последовал за ними, и Мэй направилась туда же. Ну что? Они поверили?

Отцы клана молчали какое-то время, словно обдумывали увиденное, после один из них уточнил:

– Ты женишься на Мэй с душой Всадника?

– Я беру ее в жены. Она моя невеста. Разве я не старший мужчина своей семьи? И разве не пришла пора мне позаботиться о будущих детях?

– Га! – тут же отозвались остальные.

– Что же, братья и отцы, – произнес тот самый воин, что начал говорить первым и на груди которого скалился в злобной усмешке темно-синий дракон, – мы видели небывалое. Но разве Настоящая Мать не вправе творить небывалое? Люк – сильный мужчина, и он ни разу не подводил нас. Коварные Вурноги пытались завладеть его платой, но мальчики семьи сумели ее отстоять, двое против нескольких. Разве это не говорит о том, что мать Люка производит на свет храбрых мужчин? И разве мы должны потерять семью Гайенов? Если мы не позволим Люку оставить у себя плату и взять жену, кто будет участвовать в будущих охотах? Кто оставит после себя потомство?

Остальные воины молчали, наклонив головы в знак почтения говорившему.

– Я вижу храброго воина и храбрую воительницу. Это делает честь и Люку, и его семье, – продолжал воин с драконом на груди.

– Но женщины не летают на драконах, – вдруг подал голос другой воин, и его хриплый низкий голос был полон звенящей ярости.

– Ты прав, отец Зик, женщины не летают на драконах. Женщины Всадников не летают. Но женщины Городских более сильные и более храбрые. Они не боятся высоты. И вы сами это знаете.

– Но сумеет ли женщина-воин произвести потомство? Оставит ли она после себя детей?

– Мы дадим им шанс. Будет ребенок – Люк останется с девушкой из Городских. Не будет ребенка – возьмет новую жену.

– Но плата останется у них! – сердито рявкнул тот, кого называли Зик.

– Плата останется в семье. Разве дед Люка не был моим наставником? Разве не добыл он плату в честном бою с Вурногами? Разве он не был храбрым и сильным воином? Плата останется в семье, и в день Посвящения Люк выведет дракона. У него есть Всадник, которого выбрала Настоящая Мать, которому подчиняются все драконы. Разве вы не поняли?

И вдруг воин с драконом на груди резко направился к Мэй, схватил за руку и потянул за собой. Он шагал быстро, и приходилось принаравливаться к его шагам. Приблизившись к еще одному громадному, черному дракону, чья чешуя вспыхивала фиолетовыми отсветами, он велел:

– Протяни руку к его голове.

И Мэй протянула. Фиолетовым вспыхнули глаза чужого дракона, большая машина вздрогнула, раскрыла пасть и приготовилась издать резкий рык. Мэй отпрянула, но тут же с удивлением увидела, что дракон успокоился, наклонил голову и потянулся к руке. С огромным удивлением и странным спокойствием Мэй поняла, что машина подчиняется ей. Положив ладонь между фиолетовых глаз дракона, Мэй посмотрела на отцов клана.

Те стояли, замерев, и сильнейшие воины взирали на Мэй, как на великое чудо.

– Она избрана Настоящей Матерью, – тихо сказал воин с татуировкой, – и мы принимаем ее.

Глава 3

Люк. Как призывает Настоящая Мать

1

– Я сошла с ума, назвавшись твоей невестой, – пробормотала Мэй, сбрасывая на землю охапку сухих веток.

Она посмотрела на Люка, и в чертах ее лица проступила неприкрытая тревога. Мэй словно бы говорила сама с собой и не ждала ответа. Как будто пыталась разобраться в том, что творилось в ее душе.

Робкие языки костра освещали ее тоненькую фигурку, светлую кожу и непослушные кудряшки, выбивающиеся из прически.

Почему-то именно эти прядки, спускающиеся на уши Мэй, казались Люку трогательными и милыми. Он поймал себя на мысли, что хочет прикоснуться к ним, убрать за ухо, а после поцеловать мягкую белую кожу щеки. И почувствовать вкус и запах светловолосой...

Люк тряхнул головой, скидывая наваждение, и произнес с некоторой долей удивления:

– Мы ведь все обсудили. Это только на время. Зато теперь отцы клана не заберут у меня плату. Ты – избранная, которой подчиняются все драконы. Знаешь, что это?

Мэй нахмурилась и мотнула головой.

– Это значит, что тебе подчиняется Живой металл. Сама Настоящая Мать признала тебя своей избранницей. И отцы клана будут относиться с почтением к избраннице Эльси. Вот увидишь. И к тому же ты действительно здорово чувствуешь машину.

Люк улыбнулся и занялся костром.

Нгака, которая топталась рядом и устраивала себе местечко поудобнее, проговорила, не оборачиваясь:

– Не могу себе представить, как можно управлять драконом. Вот скажи, Мэй, сейчас, когда мы летели, ты сидела впереди, и Енси подчинялся тебе. Разве не так?

– Я всегда сижу впереди на драконе, – ответила ей Мэй.

И это было чистой и святой правдой. Люк не припоминал такого, чтобы Мэй оказывалась в грузовом седле, вот как сейчас Нгака. Ради купания в островной реке старшие сестры иногда летали с Люком, но крайне неохотно. Нгака была более смелой, потому чаще оказывалась на

острове. И то – она привязывала себя веревкой, когда устраивалась на Енси, накрывала голову капюшоном, ложилась и всю дорогу не смотрела по сторонам. Ей было страшно.

А о том, чтобы сесть впереди с Люком – и речи не велось. Этого просто не могло быть.

Мэй не улыбнулась ни Люку, ни Нгаке. Устроилась на подходящем камне, вытянула ноги.

Уточнила:

– Мы сначала ужинаем, после купаемся или лучше наоборот?

– Сначала едим, потом купаемся, потом опять едим, – чавкая, пробубнил Ник.

Он нашел какие-то фрукты здесь, на острове, и лопал их. Младший братец любил поест и жевал бы постоянно, будь на то его воля.

– Да, перекусим и пойдем купаться. А после поьем кинеля с лепешками и устроимся спать, – согласился Люк. – Только подыщем себе местечко для ночлега поудобнее. Мне не очень нравится тут, в траве. Лучше пристроиться на скалах, вон в той стороне. – Он ткнул пальцем по направлению плоской горы, занимавшей середину острова.

– Почему бы тогда нам сразу не перебраться на это подходящее местечко? – поинтересовалась Мэй.

– Там слишком далеко будет до реки. Долго ходить. – Люк вернулся к дракону, взял сверток с соленым мясом мьёка, большой кувшин с кинелем и мешочек с приправами.

– Мясо запечем в углях, – сказал он, усаживаясь у костра на корточки. – Давайте, помогайте мне. Нечего просто так глазеть.

Нгака тут же взялась за дело. Что надо делать с мясом, она знала точно. Люк только подавал ей листья травы сурри, в избытке растущей на острове. А сестренка ловко промывала мясо в воде, посыпала его приправой и заворачивала в листья. Сурри вберет лишнюю соль в себя и сохранит от пересушивания.

Готовые сероватые свертки сестра укладывала на камне, рядом с костром. Ник тоже малость помогал – подсовывал в огонь ветки. Лишь Мэй сидела неподвижно, смотрела на огонь и молчала.

Люк не приставал с вопросами. Сейчас всем есть о чем подумать. Только никто пока не высказал этих мыслей вслух. Самый главный вопрос буквально висел над пламенем костерка.

Зачем Эльси выбрала Мэй? Для чего? Для какой миссии? Ничего не бывает случайно, ничего не происходит просто так. Все закономерно, все имеет свою причину и свое следствие. Это еще одно правило Настоящей Матери, оно начертано на стенах Храма, выбито на Живом металле, мерцает синим цветом на черных стенах.

Может, Ник и Нгака не слишком хорошо это понимают, но Мэй, кажется, угадывает внутренним чутьем. Вот она подняла глаза – зеленоватые, чуть раскосые, серьезные, – и Люку захотелось дотронуться до ее руки и сказать, что все будет хорошо. Он отвезет ее и отца к заветным Плавающим домам. Отвезет и отпустит, как бы это ни было тяжело.

А будет на самом деле нелегко. Мэй казалась близкой и родной. И не только общие тайны связывали Люка с этой боевой девчонкой. Не только Енси, которым теперь владели оба. Было и еще что-то, чему Люк пока не мог найти подходящего названия.

Ему нравилась Мэй – и с этим ничего нельзя было поделать. Нравилась ее зеленые глаза, ее светлые кудри, ее привычка пощипывать нижнюю губу и удивленно поднимать брови. Даже ее сдержанность и рассудительность нравились.

Люк не представлял себе, как отпустит Мэй. Это не укладывалось в голову, что однажды она уйдет, и боковая палатка опустеет, и никто уже не будет сидеть впереди и похлопывать Енси по шее.

– Люк, угли прогорели, пора закладывать мясо. Люк, ты слышишь? – прозвенел над ухом голос Нгаки.

Да, он задумался. Пропал в своих мыслях.

Проведя рукой по лбу, Люк убрал волосы, показал сестре пятерню и занялся ужином. Все серьезные мысли после, сейчас надо приготовить мясо.

За спиной шумел лес, и издалека долетал еле слышный плеск реки. Его почти нельзя было уловить, он скорее угадывался, еле заметными, слабыми нотами дополняя шелканье членогов, шелест ветвей и похрапывание дракона.

– Я жрать хочу – страсть как! Сейчас слопаю кусков пять, – заявил братец и, зыркнув хитрыми глазюками на Мэй, поинтересовался: – Тебе нравится наша пища? Вы же обычно варите что-то жидкое, называется... Как-то на «су», шо ли...

– Мы варим суп, – тут же пояснила светловолосая, отрываясь от своих не очень веселых дум.

– Мясо гораздо лучше супа, – заявил Ник.

– Ты просто привык. А я бы сейчас не отказалась от мисочки горяченького бульона с овощами. И с хлебом. С настоящим хлебом, а не вашими лепешками.

– Скучаешь по дому? – догадалась Нгака.

– Нет, – Мэй немного удивленно подняла брови, – по дому не скучаю. У нас с отцом никого не осталось. Только я и он. Братьев убили ваши Всадники. Мать ушла из семьи. Мне не по кому скучать.

– Как это мать ушла? – Ник аж подпрыгнул от удивления. – Разве мать может покинуть своих детей и своего мужа? Это же ее семья...

– Не осталось семьи. У матери с отцом вышли разногласия, отец желал немедленно уходить в Плавающие дома, а она хотела остаться в Городах. После ей предложили хорошую работу в соседнем Городе, и она ушла. А отец отказался следовать за ней.

– Как же ты без мамы? – тихо спросила Нгака.

А действительно, как она без матери? Люк вдруг с удивлением понял, осознал, представил до четкой ясности, до пронзительной верности, что Мэй действительно одна. Одна с отцом. И больше никого. Эти двое держатся друг за друга, и жестокий, враждующий мир подступает к ним со всех сторон. И чтобы сохранить свою семью, сохранить единственного продолжателя рода, Гайнош (так звали отца Мэй) решил уйти из Города.

Теперь его поступок был понятен Люку. Он и сам мог сделать точно так же. Семья должна выжить любой ценой – это было главным правилом. Самым главным, если не считать охраны источника Живого металла.

– Привыкла, – спокойно ответила Мэй. – Мы привыкли с отцом.

– У нас так не бывает, – решительно заверил Ник. – У нас мать всегда остается со своим мужем и с детьми. Нельзя бросать своих родных. Что толку уметь читать, если не выполняешь самых важных правил?

Мэй скорчила рожу, резко поднялась и ушла от костра.

– Болтай меньше, – велел Люк и легонько пихнул братца. Треплет языком что зря. – У них свои правила, они же Городские.

Мясо пропеклось быстро, и тогда сели ужинать. Все четверо были голодными, потому еда исчезла мгновенно.

– Запить бы чем-то, – пробормотала Мэй, вытирая пальцы о траву.

– Кинель оставим, еще захочется выпить перед сном. Пошли купаться, на водопаде и водички попьем, – распорядился Люк и принялся расшвыривать остатки костра.

2

Слишком знакомые лесные тропинки проступили в фиолетовом сумраке юркими змейками, скрывающимися среди кустов. Ник первый понесся в уютную, шумную чащу, хватаясь за ветки, подпрыгивая и выкрикивая какую-то чушь.

Следом за ним торопилась Нгака. Она несла полотняный мешочек с чистой одеждой, купальной тканью для вытирания и мылом. Вид у сестры был довольный и веселый – не каждый день удастся выбраться с братьями на остров. И хоть полеты на драконах ее пугали, зато ночевка у костра и купание в реке всегда радовали до беспамятства. Того и гляди, поскачет вприпрыжку за Ником.

Мэй следовала за Нгакой, время от времени оглядываясь на Люка. Ей что-то хотелось спросить, и она не выдержала. Только выбрались на открытую и широкую тропу, ведущую прямую к реке, светловолосая заговорила:

– Купаетесь вы голяком, да? Может, тогда я буду где-нибудь отдельно?

– Конечно отдельно. Мальчики не купаются вместе с девочками. – Нгака аж остановилась от удивления.

– Еще как купаются. Мне уже пришлось разглядывать голые задницы Люка и близнецов...

– Мы просто пошутили, – ухмыльнулся Люк, вспомнив, как ввел Мэй в краску в прошлый раз.

Да, тогда хотелось подразнить гордую Городскую девчонку, посмотреть на ее смущение, причинить неловкость. Но сейчас шутить таким образом было бы верхом глупости. Да и Нгака наверняка все рассказала бы матери, а та глянула бы удивленно и строго и спросила, не забыл ли Люк о чести старшего мужчины в семье.

Потому Люк заверил, что девушки всегда купаются отдельно от юношей.

– Все-таки отдельно? – уточнила Мэй, и Люк понял, что она улыбается.

– Так и есть, – кивнул он.

– О! Река! – послышался возглас Ника.

Они действительно пришли – воздух стал чуток прохладнее, послышался шум воды, и запахло свежо и приятно.

– Вот теперь девочки к водопаду, а мальчики чуть ниже. Смотрите не нахлебайтесь воды, – предупредил Люк.

А после, глядя на удаляющиеся фигуры сестры и Мэй, ставшие четкими, серыми и тонкими, он подумал, что точно так же будет стоять и смотреть, как отец и светловолосая уйдут в Плавающие дома. Он их отвезет и отпустит. И только фигуры, размывающиеся в сумраке, останутся на память.

Стало вдруг горько и странно. Пропала радость от долгожданного купания, от спокойной ночи в безопасном лесу. И одолевшее разочарование показалось слишком сильным. Непреодолимым.

Он не хочет, чтобы Мэй уходила. Потому что влюбился в нее как последний дурак.

Это нормально, мужчина должен любить свою невесту. Но в том-то и вся горькая шутка: Мэй никогда не станет его женой...

– Вошей вашей матери... – пробормотал Люк, сам не понимая, кого имеет в виду.

Ругательство про «вошей» было сильным, его говорили только заклятым врагам. Но ведь Мэй и ее отец теперь не враги. Теперь они свои, друзья. Почти родные, почти члены семьи.

Кто же сейчас враг? Кто препятствует счастью? Почему Мэй не может остаться?

Может, потому, что она не любит Люка?

Ерунда, Люк нравится ей, это точно. Это без сомнений. Достаточно прикоснуться к ее рукам, услышать ее голос, когда она произносит имя «Люк», посмотреть в ее глаза – и все становится ясно.

Они нравятся друг другу, они понимают друг друга, им хорошо рядом друг с другом. И у них есть Енси, который слушается обоих. Так почему они должны расстаться?

Люк сдержит обещание и отпустит. По-другому быть не может. Но как же это глупо и бестолково!

Прохладная вода немного остудила голову. И, яростно натирая тело мылом, Люк решил, что сейчас слишком рано что-то решать окончательно. Может, Мэй еще поменяет свое решение. Ей просто надо увидеть, как рождается дракон. Надо первой положить ладонь ему на голову и произнести имя, надо назвать свою собственную машину.

И тогда, когда малыш-дракончик засemenит рядом – послушный, любознательный, ласковый, – тогда Мэй сама пожелает остаться. И Люк совсем не будет возражать.

Нет, возражать он не будет вовсе!

3

Плоский выступ скалы скрывался за рядами узкоствольных, высоких деревьев, чьи воздушные корни спускались с веток до земли и цеплялись за почву с завидной настойчивостью. Справа скала становилась отвесной и неприступной, впереди ее закрывали деревья, а слева резкий обрыв уходил к самой реке.

Внизу бушевала вода, сдавленная еще одной скалой, и ее шум отдавался эхом от неприступных утесов. Места для дракона тут было сколько угодно. Устроив его недалеко от деревьев, Люк занялся костром у стены и заверил, что всю ночь тут будет тепло и удобно.

– Скала нагреется от огня и будет отдавать свое тепло.

И она же защитит нас от ветра. Главное – это не свалиться с обрыва. Так что, когда будете искать место для того, чтобы пописать – будьте внимательны.

– Я прямо в костер поссу, – заверил Ник.

– И получишь по башке! – пихнула его Нгака. – Нечего тут в костры ссать. Топай к деревьям, понял? – Она вздохнула и добавила: – Глаз да глаз за этими братьями...

– Это точно, – согласился Люк и достал из своего рюкзака стопку остывших лепешек.

Накинулись на еду так, словно и не лопали пару часов назад мясо. Хлюпая кинелем, Ник хвастался, что мог бы спокойно прыгнуть с обрыва и поплыть по реке и что это может любой дурак. Нгака поддразнивала его, Мэй молчала, наблюдая за этими двумя слегка прищуренными глазами.

Когда же лепешки закончились, а кинеля осталось на доньшке кувшина, Люк потянулся и, почувствовав тяжелую сытость и легкую усталость, распорядился:

– Все, теперь всем спать. Найдите себе подходящее место и устраивайтесь. Шкуры на драконе. Ник, притащи и для сестры. А я устроюсь рядом с Енси.

Люк всегда предпочитал спать рядом с драконом. Он и сам не знал почему. Просто нравилось, и все. Слово близость любимой машины утешала и успокаивала. Потому он устроился под навесом крыла, расправил шкуру, завернулся в шерстяную ткань – вернее, только завернул ноги, потому что прохлада, царившая на скалах, была скорее приятной.

– Я с тобой, – проговорила Мэй и кинула вниз свой спальный мешок.

– Давай. Ты ведь тоже теперь Всадник. – Люк хитро улыбнулся и глянул на нее снизу вверх.

Мэй только дернула плечом и отшутилась:

– Все никак не могу привыкнуть, что ты мой жених. Жених и невеста ведь могут спать рядом, правильно?

– Если по традиции, то жених видится с невестой только в присутствии родителей. Наедине их не оставляют. Так принято, вроде как. Потому что вдруг жених передумает и поменяет невесту? И тогда семья не получит от него подарков и останется в убытке.

– Да-да, я помню. Правила продажи невесты. У вас столько самых разных правил, что немудрено растеряться...

– У вас тоже немало странностей. Ваши матери оставляют детей, кидают семьи. Скажешь – это не страшно?

– Страшно. Я своих детей не оставлю никогда.

– Правильно. Как Настоящая Мать никогда и никого не оставляет.

Мэй нахмурилась с таким видом, что стало ясно: слушать про Настоящую Мать она явно не настроена. Потому Люк лишь коротко произнес слова благодарения и улегся, подстроив под голову правую руку. И тут же понял, что очень хочет спать. Потому закрыл глаза и провалился в сон.

4

Разбудили его сильные толчки в бок. Сквозь дремоту ворвались запахи длинных древесных корней и драконьей чешуи, а после темнота разошлась, и появилось серьезное лицо Мэй.

– Горазд ты спать... Ничего себе. Еле разбудила, – проговорила светловолосая.

– Что? Ник убежал? – Люк уставился на Мэй, бестолково мигнул и убрал с лица надоедливые волосы.

– При чем тут Ник? Он спит себе, и Нгака тоже. Просто хотела поговорить... Знаешь что...

Мэй запнулась, посмотрела Люку в глаза, и того пробрала дрожь. Он сел и коротко ответил:

– Я слушаю. Я тебя слушаю.

Мэй вздохнула, отвела взгляд, принялась наматывать на палец прядь волос. После заговорила приглушенно и медленно:

– Мне просто хочется поговорить с кем-то. И не с кем. Видишь ли... То есть как бы сказать...

Она еще раз вздохнула и выдала:

– Мне снятся сны с того самого момента, как мы с отцом покинули наш Третий Город. Почти каждую ночь. И они... В общем, они странные и непростые. Все слишком настоящее в этих снах. Реальное и близкое. И они всегда одни и те же. То есть сны разные, но все они про Эльси. Про Настоящую Землю.

– Что тебе снится? – спросил Люк.

– Поначалу снилось, что Земля хочет проглотить меня. Деревья-Гиганты снились. Но это только в первые ночи, когда мы ушли из Города и я страшно боялась Настоящую Землю. А после приснился росток, который вышел из земли, и он был красивым. И я протягивала к нему ладошки и прятала его от ветра. А сейчас мне приснилось, что из земли вышел росток, и я защитила его от ветра, от больших ящеров. Росток вырос и стал большим деревом. А дерево превратилось в женщину. Такую высокую и красивую. И женщина смотрела на меня, будто хотела что-то сказать. Но она ничего не сказала, не успела. И вот я проснулась...

Люк, понизив голос, заговорил:

– Это была Настоящая Мать. Сама Настоящая Мать. Она призывает тебя. Только не ясно – для чего и зачем.

– И что мне делать?

– Я тебе сейчас кое-что покажу. – Люк поднялся и забрался в седло Енси. Дотянулся до рюкзака Мэй, снял его бережно и ловко. После спустился и открыл нижний, просторный карман рюкзака. В его ладонях оказался полупрозрачный голубой шар, искрящийся заключенной в нем жизнью.

– Вот оно, яйцо дракона, – тихо проговорил Люк. – Ты возила его все это время в своем рюкзаке. Ты была его хранительницей и отлично справилась. Этот шар очень похож на нашу Эльси, на нашу планету. Планета наша живая, у нее есть душа. Как плата находится внутри яйца, так душа Эльси находится внутри планеты. И эта душа желает нам донести свое послание. Что-то сказать нам. Потому избрала тебя, чтобы говорить через тебя. Понимаешь?

Мэй осторожно взяла плату, и прикосновение ее ладоней было теплым и ласковым. Всмотрелась внутрь шара, тихо сказала:

– Это – будущий дракон.

– Из маленького вырастает большое. Это принцип Настоящей Земли. Все начинается с маленького, с семени, с точки во Вселенной. И мы тоже точки, и с нас тоже может начаться что-то большое.

– Так что же мне делать? – снова спросила Мэй, не отрывая взгляда от шара.

Люк с трудом подавил в себе желание ее поцеловать, улыбнулся и ответил:

– Прислушиваться к себе. Просто прислушиваться к себе. Что тебе хочется на самом деле? Где твое место? Ты знаешь?

– Уже нет. Уже не знаю, – ответила ему Мэй.

Глава 4

Мэши. Затмение началось

1

Утро выдалось сумрачным. Окрепший ветер надоедливо шелестел песком о стенки палаток. Люк огородил проходы к столу во дворе натянутой между деревянными столбами тканью и вместе с Ником и Жаком взялся заносить посуду в большую, главную палатку.

– На Затмение частенько приходят песчаные бури, – пояснил он заспанной Мэй.

Прошло три дня после совета отцов. Три долгих, жарких и веселых дня, полных забот о мьёках, полетов на драконе и долгих посиделок у костра. Наступил день Затмения – знаменательный праздник Всадников, на котором парни выбирают для себя невест.

Про эту традицию Мэй уже знала, болтливая Нгака прожужжала все уши.

– Это такие специальные танцы, очень красивые. Мне страшно хочется там быть. И еще зажарят парочку больших ящеров – на них уже была вчера охота. Должна была быть. Представляешь? Ты любишь мясо нажисов? – трещала без умолку младшая сестричка Люка.

Сама Нгака умела ловко ткать шерсть: делать покрывала, коврики и просто ткань. Сработанные из дерева и тонкого железа станочки под ее пальчиками оживали. Мерно постукивая, они рождали ровную разноцветную ткань, которая ложилась на пол палатки слой за слоем. Нгака и ее мама были главными обеспечителями семьи в плане одежды. Нгака ткала, мать шила.

Это занимало почти все их свободное время. Лишь изредка Нгака отправлялась помогать с мьёками, но там от нее толку было мало – так говорил Люк. Она постоянно копалась, долго возилась с посудой для дойки, долго доила. И вдобавок пару раз на глазах Мэй перевернула глиняный кувшин с белым мьёковым соком.

Но ездить верхом на желтых больших животных – это пожалуйста. Это Нгака очень любила. Каждый вечер она покидала свои станочки и отправлялась на задний двор, за палатки, где около большой скалы находились загончики. Открывала скрипучую дверку, отвязывала своего большеголового мьёка и отправлялась в путешествие по песчаным барханам. При этом она неизменно напевала уже знакомую Мэй песенку:

Полетели на восток.

Путь наш будет высоко. Вихрем, вихрем, вихрем...

Один раз Нгака даже пригласила Мэй. После того как отцы клана признали Мэй Всадником, девочка резко изменила свое отношение к ней. Если раньше сторонилась, дичилась и презрительно кривилась время от времени, то теперь поглядывала с уважением, называла Мэй-Си и даже принесла большое новехонькое покрывало, сделанное из разноцветных шерстяных квадратов и подбитое с другой стороны тонким стриженным мехом мьёков. Пояснила, что вдруг ночью станет прохладно. И застелила ложе Мэй в палатке.

Отец тогда просто улыбнулся и уточнил – не Нгака ли шила такую красоту. Тогда девочка смущенно опустила глаза и сказала, что мама конечно же помогала. Но вообще – да, она сама.

Мьёк у Нгаки был послушный, медлительный и молодой. Это был самец по кличке Исси. Рога у него только-только наметились. Как пояснила Нгака, пока у самцов не прорезались рога, они послушны и спокойны. Но как только рога отрастут, начнется период буйства.

– Тогда им надо будет самочку, иначе они все разнесут. Мы режем лишних мьёков на мясо. И этого тоже придется... – вздохнула она.

– Жалко ведь, – проговорила Мэй в ответ.

Она тогда как раз успела усесться верхом и устроиться в удобном большом седле, в котором места бы хватило даже для троих девочек.

– Жалко, но ничего не поделать. Есть-то надо. А когда самцов слишком много, они дерутся. Их надо держать отдельно, иначе друг друга задерут. А где взять столько отдельных загонов?

– А продать его можно?

– Какая разница? Купят задешево и все равно забьют. А так – из шкуры выйдет отличный коврик, который можно будет обменять на кувшины у посудников. У нас есть клан, который занимается посудой и ковкой. Вот у них и выменяем.

В ветреное утро дня Затмения Нгаку нигде не было видно. Никто не выходил из палаток, лишь Люк и мальчишки носились с кувшинами, накрывали бочки с водой, тащили большие жестяные емкости, в которых еще оставалась вода.

– Что случилось? – спросила Мэй.

И ей ответил отец, появившийся откуда-то из-за палатки и державший в руках вязанки хвороста.

– Видимо, будет песчаная буря. Потому давай-ка быстро в большую палатку, там все и переждем. И завтрак там же будет.

Мэй кивнула и вернулась к себе. Надо собрать хотя бы рюкзак с вещами и легкой, раз такое дело. Где тут были ее запасные штаны? А ботинки? Их тоже надо взять, вдруг засыплет все песком!

Как долго длятся в здешних местах песчаные бури?

И тут появился Люк. Просунул голову в отверстие палатки, быстро глянул и выдал:

– С ума сошла. Сейчас снесет тебя, глупая женщина. Ну-ка, давай руку...

И он без всяких церемоний схватил Мэй за плечо одной рукой, ее недособранный рюкзак другой и поволок к выходу. Мэй хотела обозвать его как следует, но, оказавшись на улице, передумала, только зажмурилась: по лицу остервенело хлестнуло песком. Невозможно было не то чтобы глаза открыть – дыхнуть. Валило с ног и окутывало непривычной прохладой.

Люк несясь вперед, не отпуская Мэй и не останавливаясь ни на секунду. Не давая передохнуть, протереть глаза и осмотреться. Мэй налетела на скамейку, но Люк ловко обвел ее и, подтолкнув, направил ко входу в общую палатку. Там уже встречал отец.

– Ну ты и копуша. Еще немного – и сидеть тебе в отдельной палатке всю песчаную бурю. Без еды, тепла и общества, – пояснил он, осматривая Мэй.

Плечо отца совсем зажило, и он свободно двигал руками, ходил и очень много помогал по хозяйству матери семейства. Он взял на себя основные и самые неприятные хлопоты. Топка печи, мытье посуды, приготовление мяса – отец занимался всем этим охотно и ловко.

– Все так быстро началось, – принялась оправдываться Мэй. – Надо же было собрать рюкзак...

– Не оправдывайся, – усмехнулся за спиной Люк. – Копуша – значит копуша. Теперь вы вместе, с вами будет все в порядке. Я полетел к Тигаки, помогу ей.

И Люк скрылся за мятущейся пеленой песка.

Мэй рванулась было к нему, но отец удержал ее.

– Он ведь на драконе, он окажется выше бури. Не волнуйся. Девочке надо помочь...

– Тогда я с ним, – решительно заявила Мэй.

– Он уже ушел. А ты еще успеешь полетать. – Отец слегка поднял брови, усмехнулся и добавил: – Сейчас сварим с тобой суп, такой, как у нас готовят. Угостим всех. Эй, мальчишки, суп будете?

Жак, что-то деловито объяснявший младшим сестренкам, поднял голову и уточнил:

– Тот, что тогда готовили в лесу?

– Еще вкуснее, – заверил отец.

– Чё не будем? Мы будем. И лепешек, ма. Я хочу лепешек, много.

– Тогда за работу. Ты смотришь за огнем в печи, я занимаюсь овощами. Мэй поможет с тестом. К обеду как раз управимся.

– Я не умею с тестом, – поторопилась отказаться Мэй. Месить тесто, вместо того чтобы летать? Лучше и не придумаешь...

– Да шо там уметь? – удивилась Нгака. – Я покажу. Это просто.

– Что же тогда буду делать я? – улыбнулась мать семейства, которая до сих пор только поглядывала на всех и помалкивала.

– А ты сможешь дошить мне новую рубашку! – тут же пояснил ей Ник. – Ты же обещала. Вечером праздник, я должен быть в обновке. У Жака уже есть, у Нгаки есть...

– Я сделаю новые рубашки и тебе, и Мэй. Вы должны быть красивыми сегодня вечером, – тут же согласилась мать.

– Так разве вечером что-то будет? Буря ведь, – напонила Мэй и взялась за лямку рюкзака.

– Буря утихнет к вечеру, – с видом знатока пояснил Ник. – Такие бури не длятся долго. Это предвестник Затмения, Светило к обеду станет темным и не даст своих лучей. Драконы будут летать осторожно и медленно, земля заполнится новым песком. И начнется новый год. Вечером все утихнет, встанет ясный Буймиш и мы споем ритуальные песни.

– Да, мы споем ритуальные песни, – подхватила мать, – и воздадим славу Настоящей Матери. Мужчины выберут невест, а завтра мы опустим драконьи яйца в озеро Живого металла. Те, у кого есть драконьи яйца.

– Жизнь продолжится снова, – закончила Нгака.

Отец улыбнулся и произнес:

– Звучит очень красиво.

– А выглядит еще лучше, – заверил его Жак и выставил пятерню.

– У нас есть лека, – вдруг вспомнила Мэй, – он может поиграть с девочками. Он послушный робот.

Она тряхнула рюкзак, выудила блестящий шар и вдруг почувствовала, как нахлынули воспоминания о недавней ночи. Руки Люка, державшие яйцо дракона, его черные глаза, оказавшиеся вдруг так близко, его хриплый голос...

Оказывается, все это время драконья плата была в ее рюкзаке. И она не знала этого и не чувствовала. Зато знал Люк и был спокоен. Он доверяет ей? Уверен в ее храбрости и ловкости?

Одно Мэй знала точно: теперь их с Люком связывали слишком тесные связи. Слишком прочные и слишком важные. И порвать их будет очень и очень непросто...

2

Отцовский суп удался на славу. Он пах приправами, нишуи – у отца оказалась небольшая баночка с круглыми маленькими стручками в собственном соку – и мясом. И он был таким густым, таким наваристым, что просто пальчики оближешь.

Мать семейства тут же принялась расспрашивать о рецепте, Нгака оторвалась от шитья и заглядывала в большой казанок. И неугомонный Жак, оставив на время леку, подскочил к каменной печке, сунул нос в казан и выдал:

– Еда – то, шо надо. Где моя миска? Я уже хочу лопать! Еника, мать семейства, откинула крышку сундука, стоявшего около низкого каменного столика, и вот появились глиняные миски, чашки, палочки. Мэй усмехнулась: конечно, тут нет ложек! Всадники едят острыми палочками – просто накалывают мясо и отправляют в рот. Или вовсе руками.

Но Еника уже распорядилась, чтобы суп наливали в мелкие чашки, из которых обычно пили кинель. Тогда можно будет пить через край, как они пьют свой кислый напиток. Тоже дело, чего там. Была бы еда, а как ее лопать – всегда придумают.

Мэй подумала, что выражается уже точь-в-точь как младшие мальчишки, улыбнулась и принялась убирать волосы в косу.

Совсем скоро все сидели на мягких шкурках за овальным каменным столом и дули на горячий суп. За стенами шатра неистово шумел ветер, шелестел песок, и казалось, что в пустыне орудует стадо больших, свирепых ящеров – так все ходило ходуном, бесчинствовало, тряслось и шаталось.

А тут, в палатке, было хорошо и уютно. Было тепло, сытно и весело. Опять все болтали, младшая лезла руками в суп, вторая младшая требовала лепешек и заверяла, что «вот это жидкое есть не станет». Жак не отставал от леки, пытаясь заставить его подпрыгивать. Нгака рассказывала о своей нарядной одежде, предназначенной для праздника, и обещала показать бусы. Отец о чем-то негромко переговаривался с Еникой. И Мэй ловила себя на мысли, что ей хорошо. Очень хорошо.

Только одно омрачало это милое семейное застолье – мысль, что Люк сейчас далеко. Наверное, укрылся с Тигаки в пещерах и тоже сидит у костра, пьет кинель и закусывает лепешками. А Енси лежит под навесом и сосредоточенно шурит на летящий песок.

Мэй хотела быть рядом с ними. Рядом с драконом и Люком. Хотела сидеть у костра, слушать хриплый голос друга и брать из его рук прутики с сочным мясом. Вот тогда бы она была полностью счастлива.

С отцом поговорить об этом так и не удалось. Прошлую ночь Мэй провела с Люком и младшими мальчиками на острове. Позапрошлую тоже. Это стало своеобразной традицией. Они купались теперь вместе – Люк в подштанниках, Мэй в коротких штанишках и майке. Вместе прыгали со скал в воду, после вместе собирали хворост и разводили огонь. И только надежда и этой ночью оказаться на острове утешала Мэй.

Да, конечно, и этим вечером Люк отправится за водой и травой и возьмет с собой Мэй. Снова будет полет, будет внизу вода, аверху облака. Будет бешеный ветер, треплющий волосы, будут теплые руки Люка на талии. И славная ночь у костра, когда они будут болтать долго-долго. Уснут младшие братья, прильнется к земле пламя, а они все будут разговаривать. Смотреть друг другу в глаза, прикасаться руками и мечтать о полетах. Вместе, теперь всегда вместе...

Мэй чуть не пролила на себя суп – так она замечталась.

– Ты чего? – удивленно спросила ее Нгака.

– Ничего. Все в порядке, – заверила Мэй.
Конечно все в порядке. Лучше просто не бывает.

3

Песчаная буря закончилась так же внезапно, как и началась. Собирая пустые миски со стола – надо же вложить и свою часть труда в семейную трапезу, Мэй вдруг поняла, что шум за стенами утих. Младшая девочка, черноглазая Ейка, подобралась к тщательно закрытому входу, отогнула край кожаного покрывала и сообщила:

– Песок лежит уже! Все! Я хочу пойти, ма!

Вышло у нее это немного картаво, быстро и смешно. Гимья тут же подскочила, оставила леку, около которого сидела, и заявила, что тоже желает на «песок».

– Надо глянуть, – предупредила их мать, отстегнула металлические скрепки, удерживающие кожаное покрывало на месте, и вышла.

После вернулась, открыла вход и сказала:

– Светило померкло. Пришло Великое Затмение, и начался новый цикл. Время для новых песен. Мы собираемся и выезжаем. К вечеру нам надо быть у Костровой Башни.

– Это там, где будет праздник? – уточнил отец.

– Да.

– Как вы повезете младших девочек? На драконе?

– Нет, что ты, Городской воин, – мягко улыбнулась женщина. – Мы поедем на мьёках. У меня есть свой мьёк, мальчишки устроятся рядом с Нгакой. Так и доберемся. Старшую девочку привезет вечером Люк. Ты сможешь сесть вместе с мальчиками, животное выдержит четверых. А Мэй я возьму к себе. – Женщина хлопнула в ладоши и громко велела: – Стол убрать, посуду помыть. И собираемся. Жак, тебе надо будет вымыть руки, лицо и живот. Нгака помоеет голову себе и сестрам. Я готовлю одежду для всех.

– За дело. – Нгака пихнула Мэй в бок локтем. – Давай вместе, тогда будет быстрее. Сейчас вдвоем отмоем малых, после ты польешь мне. У тебя голова чистая, ты же вчера купалась, да?

– Мэй тоже сполоснет голову, и я умаху ее волосы и переплету по нашему обычаю, – вмешалась мать семейства. – Она сегодня должна быть особенно красивой. Мы первый раз представляем ее на празднике.

Еника подошла к Мэй, подняла кончиками пальцев ее лицо вверх, посмотрела с мягкой улыбкой в глаза и добавила:

– У тебя удивительные глаза, зеленые – как вода в реке. Мы подберем тебе зеленые бусины и зеленые ленты. А тунику твою я уже расшила зелеными нитками. Твоя дочь, Городской воин, необыкновенно красива. Потому мой сын и выбрал ее.

– Это все не всерьез, разве не так? – уточнил отец. – Это все ради драконьего яйца? Никакой взыправдашной свадьбы не будет.

Мать семейства кивнула ему со спокойным и уверенным видом и прошла в соседнюю палатку, на женскую половину – как называли ее все девочки.

А за стенами палатки царил странный сумрак, в котором все было видно с удивительной четкостью. Барханы, поднимающиеся на горизонте, стали более темного и более насыщенного цвета. Небо налилось сочным розовым и пылало над головой, предвещая что-то грозное и страшное.

Сколько раз уже Мэй видела ежегодное Затмение, когда между Светилом и Эльси вставал Буймиш и закрывал часть света, но все равно никак не могла привыкнуть к резко меняющимся краскам. Мир будто скидывал с себя светлую и яркую одежду и представал перед людьми совсем в другом виде. Более яростный, более суровый, более тревожный. В такие минуты казалось, что планета меняет свой лик, скидывает добродушие и становится злой и грозной.

Пришла прохлада. Не холод, не промозглая сырость, какие бывали в Городах во время Затмения. А сухая, приятная свежесть, когда легкий ветерок разгоняет жар и заставляет кровь двигаться по венам быстрее. Стало легче дышать, и Мэй почувствовала, что сейчас самое время малость потрудиться.

Нгака уже наливала воду в высокие глиняные кувшины.

Младших девочек отмывали за углом женской палатки, в удобном, отгороженном месте. Мэй поливала, Нгака намыливала.

Малые пищали, брызгались, топали ногами и то и дело порывались сбежать. Как только Нгака умудрялась удерживать скользкую, намыленную малышку, оставалось загадкой.

– Да не дергайся, кому говорю! Ничего там тебе в глаза не попало, я же вижу, куда Мэй льет! Перестань, уברי руки! – ругалась она.

С совсем маленькой удалось справиться быстро. Мэй подхватила ее, чистую, мокрую, бойкую, и усадила на скамью, на широкую ткань. Взялась вытирать волосы, но девочка отпихнула ее со словами:

– Уходи! Меня будет Нгака вытирать!

– Прям! Что у нас, время есть всех вытирать по отдельности? – разъярилась та. – Мы уезжаем, нам надо на праздник! Ты хочешь увидеть праздник?

И Нгака с шумом выплеснула воду из пластикового контейнера. Пришла очередь второй малышки.

Мэй присела рядом Ейкой и принялась рассказывать, какие у нее маленькие коричневые пальчики на ногах и какие она наденет красивые льёсы, когда станет совсем сухой. Ейка перестала кричать и вытаращилась на Мэй – глаза большие, блестящие. Щеки круглые, носик тоже круглый.

А Нгака тем временем уже поливала Гимью. Та тоже пищала, плескалась и топала ногами. Мэй после таких трудов сама вымокла до нитки. Теперь ей вовсе не было жарко, наоборот, пробирал озноб. Туника ее оказалась мокрой, руки от локтя и ниже – в налипших песчинках.

– Теперь свою голову мой, а я отведу этих двоих к ма, пусть она их одевает, – распорядилась ловкая Нгака и, подхватив на руки Ейку, подтолкнула вперед Гимью. Волосы обеих малышей все еще были влажными, но уже лежали ровненькими прядками, спускаясь до плеч.

Мэй с мытьем головы управилась быстро и, когда Нгака вернулась, уже расчесывала волосы своим гребнем. Та еще возня, попробуй приведи в порядок эти кудри. Но когда волосы легли до самых лопаток, завиваясь на концах колечками, младшая сестренка Люка восторженно воскликнула:

– Это очень красиво! Надо сделать так, чтобы волосы у тебя лежали ровненько. Ма знает как. Таких странных волос ни у кого из наших девушек нет, но это очень красиво, Мэй-Си.

Мэй поняла, что смущается, и отвернулась, поспешно убирая ткань, которой сушила голову, и складывая расчески в мешочек. Но ей было очень приятно. Значит, она может производить впечатление. Интересно, а как к ней относится Люк? Тоже восхищается?

Мать семейства Еника уже ждала в палатке. Она протянула Мэй стопку одежды и велела:

– Оденешься, я тебя причешу. Не копайся только.

Увидев белую рубашку из полупрозрачной шерсти, такую тонюсенькую, что казалась почти невесомой, Мэй удивленно пробормотала:

– Сдохнуть можно...

– Что? – не поняла Нгака, уже стянувшая с себя мокрую тунику, в которой купала младших сестренку.

– Очень красивая рубашка, – проговорила Мэй, разворачивая нарядную одежду.

Зеленая вышивка по горловине и рукавам и нашитые мелкие плоские кружочки из красного металла придавали рубашке диковинный и необычный вид. Конечно, Мэй привыкла к старым, заплатанным рубашкам мальчишек и Люка, к покрытым песком штанам, к меховым

безрукавкам, которые выручали во всех случаях. А вот таких тонких и изысканных вещей Мэй еще не доводилось видеть, поэтому и удивилась.

Выглядеть она будет в этом очень странно. Это не трикотажные кофты с капюшонами, что носили в Городах, не плотные куртки из коричневой и синей ткани со множеством карманов на железных заклепках. Эта одежда была и нежной, и яркой одновременно. Шерсть тонкая, но прочная. Мэй натянула на себя рубашку, завязала небольшие шнурочки у горловины и на рукавах и подумала, что зеркало тут было бы очень кстати.

А Нгака уже тянула большой квадратный лист из красного металла, отполированный до такого блеска, что отражал в себе все – и палатку, и сундуки, и смущенную Мэй.

– Вот, взгляни на себя. Красивая же, правда? – спросила Нгака.

– Теперь мы ей сделаем прическу, – довольно улыбнулась Еника и позвала: – Подойди ко мне, девочка. Нынче на празднике все будут смотреть на тебя. Пусть видят, какую красавицу выбрал мой сын.

Умелые руки матери семейства прикоснулись к кудрям Мэй, и запахло чем-то приятным, легким, очаровывающим.

– Это специальный бальзам, – уточнила Еника, – он придаст твоим волосам твердость. Они будут лежать колечками, как сейчас, и не запутаются. Это будет смотреться очень изысканно, милая. И добавим сюда зеленый шнурок и нитку зеленых бус. Твои глаза как нельзя лучше гармонируют с цветом камней, что вплетены в шнурок.

И вот в зеркале из красного металла Мэй увидела совсем другую себя. Кудри обрамляли ее лицо, заставляя глаза сиять ярче и торжественнее. Шею украшали нанизанные на шнурок зеленые блестящие камни. Белая рубашка оттеняла новенький, свежий загар. Красные губы, загорелые щеки и нос, на котором под загаром почти исчезли веснушки. Мэй совершенно точно нравилась сама себе.

Она улыбнулась слегка отражению и тут же отвела глаза, чтобы не показать свою радость.

– Вот и отлично. Теперь оденусь я, и мы выходим.

Нгака уже стояла в розовой вышитой рубашечке и длинных черных штанах. Такие же штаны надела и Мэй, и младшие девочки. Можно было выходить, они были готовы.

Мэй выбралась из шатра, дотронулась рукой до прозрачных зеленых камней-бусин, висящих на шее, а после почувствовала овальный кулон, который до сих пор прятался под рубашкой. Ни мать Люка, ни ее дочери не заметили Третьего Ключа. Мэй старалась его прятать, отворачивалась, когда меняла рубашку. Теперь он согревал грудь еле заметным, приятным теплом и напоминал о хранящихся далеко отсюда тайнах.

Интересно, доведется ли еще воспользоваться этой штукой?

Мэй не успела как следует подумать об этом, потому что совсем неожиданно перед палатками приземлился дракон Люка. Черноглазый Всадник спрыгнул на землю и помог спуститься с грузового седла своей сестре Тигаки. После окинул восторженным взглядом Мэй и закричал:

– Вы все готовы? Или копаетесь?

– Почти готовы. Тебе-то что, ты на своем драконе не опоздаешь, это точно, – напомнила ему Нгака.

– Моя Мэй летит со мной, – тут же заявил Люк.

– Да, пусть забирает с собой Мэй-Си, – буркнула Тигаки, тряхнув черными косами. – Не полечу я больше на его машине. Он несется как сумасшедший. Сколько раз просила его спуститься пониже! Ничего не слушает. Мэй, лети вместе с ним, раз тебе дракон по душе.

Тигаки сердито сверкнула глазами в сторону брата и ушла за одеждой.

– Разнылась потому что, – фыркнул Люк. – «Давай пониже, давай помедленнее...» Вот и пусть мотает на своем мьёке, раз такая трусиха...

– Я полечу с тобой, – завершила его Мэй и подошла к дракону.

Погладила черную морду и ласково пожелала хороших полетов. Енси прикрыл глаза и довольно дернул большими ноздрями, выпуская совсем немного дыма. Знакомые драконьи запахи показались Мэй приятнее ароматных бальзамов, которыми умащивала ее мать Люка.

Глава 5

Люк. Ритуальные песни

1

Она сияла – его Мэй. Зеленые глаза излучали такой свет радости и счастья, что захотелось зажмуриться и окунуться в него. Погрузиться с головой, прижать к себе кудрявую светловолосую девчонку и целовать, целовать, целовать...

Люк смотрел, как Мэй гладит драконью морду, как улыбается машине, как обходит и оглядывает со всех сторон с видом хозяйки, и нисколько не ревновал. Он был рад разделить с девчонкой дракона, он желал этого и думал об этом. Теперь он уже не мыслил себя единственным хозяином Енси.

– Летим, пора, – сказал он Мэй. – Я только переодену рубашку.

Он заскочил к себе в палатку и вытащил из сундука свой единственный целый наряд, которым пользовался едва ли пару раз в год. Белая рубашка, цветастый шерстяной пояс с нашитыми красными монетками и бусинами и длинные кожаные штаны с бахромой по бокам и искусной вышивкой. Для того, чтобы облачиться в приличную одежду, понадобилось секунд пять. На ходу завязывая пояс, Люк вынырнул из палатки. Волосы он расчесывал уже на драконе, сидя за Мэй.

Светловолосая хлопнула Енси по шее и скомандовала:

– Давай, дракоша, к Костровой Башне, на праздник. Ты должен знать, где это находится.

– Мы с вами! Эгей! – донесся пронзительный крик Ника, и двое братьев запрыгнули в грузовое седло с ловкостью островных членогов. Прыг, хлоп – и дракон понесся, увозя на себе четверых пассажиров.

Утратившее свое сияние Светило пряталось за Буймишем, отдавая лишь жалкую горсть лучей. Но совсем скоро, перед закатом оно вынырнет у барханов и зальет пески прощальным горестным пурпуром. Красный свет расплескается по Камлюкам, напоминая о кровавом прошлом, о погибших и выживших. О бренности бытия, о коротком сроке, что отпущен людям. О том, что лучшие годы можно потратить на убийство и смерть, о том, что лучше рожать детей и любить, чем убивать и терять.

И тогда зазвучат печальные песни у Костровой Башни. Тогда вспомнят всех ушедших и не доживших, вспомнят храбрых воинов и красивых женщин, сложивших свои головы во время яростных битв.

Тогда вознесут молитвы Настоящей Матери с просьбой о помощи, поддержке и благословении.

И Мэй будет рядом. Она тоже будет молиться – она умеет это делать. Люк однажды слышал ее молитвы. А после Люк станцует с ней танец избрания.

При мысли об этом захотелось улыбнуться. Мэй вдруг оглянулась и поинтересовалась:

– Ты чего смеешься?

– Умеешь танцевать? – вопросом на вопрос ответил Люк.

– Умею, самую малость. А что?

– Потанцуем, значит?

Мэй лишь кивнула в ответ. Она была серьезной, сосредоточенной и немного напряженной. Люк почувствовал это ее напряжение и обнял за талию. Легко и просто. Плечи Мэй прижались к его груди, светлые кудри смешно защекотали щеки. Мэй не возражала. И Люк знал почему. Ей сейчас очень нужна была его поддержка.

Люк слишком хорошо понимал свою Мэй. Как будто у них было одно сердце на двоих и одни чувства. Как будто связывали их внутренние крепкие нити из Живого металла. Как будто Третьи Ключи связывали их воедино. Один раз и на всю жизнь...

Третьи Ключи! Конечно! Эта связь началась с того момента, как они нашли странные кулоны в заброшенном хранилище. Что это может быть на самом деле? Что их связывает? Живой металл? Он заставил Люка влюбиться в Мэй, а Мэй избрал стать Владычицей Драконов?

На эти вопросы не было ответов, и оставалось только надеяться, что однажды Настоящая Мать сама подскажет, что делать дальше. Ведь не зря же она снится Мэй. Значит, что-то надвигается. Что-то большое и опасное. Появились белые звери, появились Третьи Ключи. Предсказания древних сбываются, и с этим ничего нельзя поделать.

О белых зверях Цемуках Люк еще никому не успел рассказать. Слишком много времени и эмоций занимали вечерние вылазки на острова. Он влюбился в светловолосую Мэй и больше ни о чем в последнее время не думал. А зря. Слишком белым кажется обычно розовый Буймиш, так бывает крайне редко. Только когда он поднимается в самый зенит и наступает праздник Продолжения Рода.

Сейчас не время для белого цвета войны. Совсем не время.

По старым преданиям, Цемуки превратились в белых животных тогда, когда Буймиш стал совсем белым, а земля, на которой жили и правили Цемуки, почернела от войны. Когда были сожжены города и деревни, когда были отравлены глубинные реки, когда умирала почва и сворачивался от яда воздух. Вот тогда Цемуки и превратились в белых животных. И земля Эльси – Настоящая Мать – получила свободу от своих детей и смогла возродиться вновь. Так гласили старые легенды.

Люк так и не спросил у Мэй, что у них в Городах знают о загадочных белых животных. Может, сейчас самое время?

И он наклонился к уху светловолосой и задал вопрос:

– Что ты знаешь о народе Цемуки?

Мэй оглянулась, удивленно подняла брови, поинтересовалась:

– Зачем тебе сейчас это?

– Вспомнилось. Может, нестати. Вы знаете что-нибудь о Цемуках?

– У нас не осталось сведений о них. Просто говорили, что они погибли. Их скосила эпидемия.

– Ты знаешь, что Цемуки превратились в белых животных? Слышала об этом?

– Ну, у нас рассказывают дети между собой такие страшилки. Что жили-были люди и однажды они стали превращаться в зверей. Но это лишь ужастики для детей, так всегда говорил мой отец.

– Цемуки стали большими белыми зверями. Так случилось однажды. Потому что слишком были сильны и слишком желали войны. Им хотелось завладеть всей планетой и всеми источниками Живого металла.

Мэй сморщила нос, демонстрируя явное недоверие. После дернула плечами и сказала:

– Не знаю даже, что сказать. Все это странно. Люди не превращаются в зверей, такого не бывает.

– Думаешь? Люди не становятся зверями, да?

– Ты говоришь загадками, Люк. Как будто намекаешь, что люди могут стать такими же жестокими и злыми, как ящеры-дитхи.

– Думаешь, не могут?

Мэй не ответила. Погладила чешую Енси, посмотрела на выбивающиеся из-за Буймиша последние лучи Светила. Потом тихо сказала:

– Я все еще помню тех мальчишек, которых ты убил у реки, перед тем как встретить моего отца. Я похоронила одного из них на берегу. Убийство можно оправдать или нет?

– Иногда не остается выбора. Убиваешь и после привыкаешь к смерти. Нажимаешь на «пуск» и не думаешь ни о чем. Смерть становится частью жизни.

– Потому что перестаешь ценить жизнь врага. Тебе кажется, что точно знаешь, кто может жить, а кто нет. Что твои действия оправданны. Что война того стоит. И потому стреляешь, стреляешь, стреляешь... и не можешь остановиться. Вот и Цемуки, наверное, так же. Кто его знает? Может, для того, чтобы они не стали совсем зверями, их и превратили в животных. Люди с неба превратили. А после заставили служить себе.

Люк промолчал. Он просто не знал, что ответить Мэй. В ее словах звучала какая-то новая мудрость. О таком еще не доводилось задумываться. Но ведь светловолосая права, очень даже права. Раньше действительно все было просто и ясно. Кого убивать, а кого защищать, с кем дружить, а от кого убегать.

А сейчас все перевернулось с ног на голову.

Сейчас враг стал другом. Близким и родным. Настолько близким, что Люк готов был за этого врага отдать жизнь.

А что случилось бы, если бы он убил тогда отца Мэй? Если бы бросил ее одну в лесу? Не забрал, не помог?

Ничего, но тогда не висел бы сейчас на Люке Третий Ключ, не соединяла бы его с Мэй большая и странная тайна. Не было бы любви, не стучало бы в бешеном ритме сердце.

Насколько важно это – любить? Что бы случилось с Люком, если бы он не встретил Мэй и не полюбил?

Еще с пару десятков дней назад он бы ни за что не поверил, что с Городскими можно построить отношения. Их жизнь ничего не значила для Люка. И жизнь Мэй тоже ничего не значила. Просто потому, что он тогда не знал ее. А теперь знает. И ценит. И любит.

Истина была где-то рядом, но ускользала. Убегала и терялась среди залитого красными лучами небосвода.

Енси снижался, распахнув широко крылья. Костровая стена и пылающие огни рядом с ней приближались. На миг вспыхнуло ярко-красным пробившееся Светило – и тут же его лучи погасли, скрытые краями барханов. Енси опустился на песок рядом с другими драконами. Теперь он будет отдыхать до самого утра, до той поры, как будут вознесены все молитвы, съедено все мясо и спеты все песни.

2

Два огромных ящера жарились на вертелах. Две женщины с подвязанными косами щедро поливали их мьёковым жиром и напевали при этом традиционную ритуальную песню, посвященную охотникам.

*Как сильны ноги того, кто приносит добычу. Как крепки руки,
державшие арбалет.
Как быстры драконы, несущие охотников. Ни один ящер не уйдет от
них.*

Знакомый напев пробудил в душе старые детские воспоминания. Когда-то Люк трепетал при одной мысли о празднике на день Затмения. Когда вот так же бегал вокруг костров, как сейчас это делает множество черноглазой ребятни, и нетерпеливо поглядывал на старших мужчин.

Он повернулся к Мэй и взял ее за руку. Светловолосая терялась среди гомона, потрескивания костров и различных странных звуков. Где-то справа у стены музыканты настраивали струны своих игонов. Медленно и тягуче гудел большой барабан, по которому ритмично стучал лохматый и шустрый мальчишка.

Группки красивых, нарядных девушек в разноцветных туниках напоминали весенние клумбы, звенели браслетами и сережками. Некоторые, самые смелые и самые симпатичные, поглядывали на Люка с призывными улыбками. Все знали, что он будет выбирать невесту. Но не все знали про Мэй.

Люк не собирался отпускать от себя светловолосую. В такой толпе Мэй могла потеряться, поэтому лучше быть рядом. Всегда рядом.

– И что сейчас будет? – спросила Мэй, с удивлением оглядываясь вокруг.

– Еще подождем, пока придут все семейства. И мама моя, и твой отец. Начнут, когда совсем стемнеет.

Люк устроился недалеко от костров, чтобы тепло от пламени согревало. Нашел для Мэй удобный камень и посоветовал расслабиться и наслаждаться.

– Это хороший праздник, тебе понравится. Угощения, песни, танцы. Мы умеем веселиться, поверь.

– Уже верю, – ответила Мэй.

И тут появилась Агинья, дочь Тигая-Игу-Зика. Она шла медленной, плавной походкой, и блестящие браслеты на ее запястьях еле слышно позвякивали. Качались шнуры с бусинами на поясе, лежало на плечах множество длинных черных косичек. Черные глаза ее метали злые искры, но полные губы улыбались.

Агинья была давней подругой Люка и даже немного ему нравилась. Раньше Люк млеет только от одного ее появления, но теперь и думать забыл о черноглазой красавице. Назвать ее своей женой он бы не смог никогда – слишком беден его род, чтобы удостоиться такой чести. Агинья приходилась любимой младшей дочерью старшего отца клана, и вовсе не для захудалого бедняцкого рода ее растили.

Она привыкла к роскоши, к тому, что всю черную и нудную работу в семье выполняют дети младших отцов. У нее были две свои служанки, или мамки-няньки, как их называли. За ней присматривали, ее наряжали, ею любовались.

Агинья ни в чем не знала отказа, потому могла себе позволить дружить с Люком, заигрывать с ним, улыбаться нагло и призывно, шутить и выкидывать капризные фокусы.

Вот и сейчас она приблизилась с уверенностью и превосходством избалованной красавицы, улыбнулась, блеснув белыми зубами, показала ямочки на круглых щечках, взмахнула чернущими ресницами и пропела нежным, звонким голосом:

– Значит, ты выберешь невесту, Люк? Это правда? Или это слухи, что разносятся со скоростью песка над барханами?

– Клянусь Настоящей Матерью, – кивнул Люк, не сводя глаз со своей старой подружки.

Агинья повернулась к Мэй и, медленно растягивая слова, выдала:

– Тебе надо было одеться как мужчина. Тебя ведь признали девушкой с душой мужчины. Ты зря вырядилась в нарядную тунику, это тебе не идет совсем. Ты лучше бы смотрелась в наряде мужчины.

Люк замер от такой наглости, открыл было рот, но Мэй его опередила:

– А ты очень красива с такими браслетами и в такой тунике. В жизни не доводилось видеть ничего подобного.

Настал черед удивляться Агинье. Она ожидала чего угодно – оскорблений, возмущений, грубости – только не этого дружелюбного тона, полного чувства собственного достоинства и добродушия. Она взмахнула ресницами, тряхнула косами, замялась. Слова не находились, привычная картинка сломалась.

– Я рада, что тебе нравится мой наряд. У вас там в Городах женщины разве не носят туник?

– Они не плетут кос и не сидят в палатках за прядильными станками. Одежду у нас делают на фабриках. Механическое производство. И она стоит очень дешево.

– А если не понравится та одежда, которую сделали другие? Я хочу носить только то, что нравится мне.

– Одежда не главное. Главное – это безопасность и еда.

– Одежда – это всегда главное! – отрезала Агинья, развернулась, тряхнула косами и собралась уходить.

Но перед уходом изловчилась и, зацепив пальцами босой ноги песка, швырнула его в лицо Мэй. После кинулась бежать, заливаясь звонким веселым смехом.

Люк пожелал вошей ее матери и с тревогой спросил:

– Ты как, Мэй? Посмотри на меня, песок не попал в глаза?

– Все нормально. Я успела зажмуриться. Видимо, эта девушка к тебе равнодушна. Может, зря ты не взял ее в невесты?

– Не болтай. Зачем она мне нужна, такая дура? – И Люк хмыкнул.

В это время большой барабан забил чаще и громче. Совсем стемнело, и поднявшийся Буймиш засиял чистым белым светом.

– Какой странный Буймиш, – тихо проговорила Мэй, поднимая голову к небу.

Тревожно екнуло сердце, и вдруг стали слишком теплыми оба кулона, висевших на груди. Люк машинально дотронулся до них рукой, вытянул квадратный и тихо вскрикнул:

– Он красный!

– Что? – не поняла Мэй, но тут же приблизилась, глянула молча на отливающий красным квадрат и вытянула свой овальный кулон.

Третий Ключ Мэй наливался розовым. Темный металл как будто светился изнутри, разливая жар и тревогу.

– Что это с ним? – тихо проговорила Мэй.

– Спрячь и не показывай. – Люк сжал ее пальцы и выразительно посмотрел в глаза светловолосой. – Его никто не должен тут видеть. После узнаем. Может, тебе что-нибудь приснится.

Мэй поспешно сунула Третий Ключ за воротник рубашки-туники, поднялась и огляделась.

Люк прошел вперед, к мужчинам и тут же услышал тревогу и беспокойство в их голосах. Белый Буймиш приводил их в изумление. Такого не бывало много-много лет, о таком не помнили даже старики. И теперь, поднимая глаза к огромному светлому шару, заливающему барханы призрачным светом, отцы клана пытались понять, что же желает сказать им Настоящая Мать?

А между тем собрались почти все семьи клана. Вдалеке ревели могучие ездовые мьёки, бегали и шумели дети, смеялись нарядные девушки, поглядывали на Люка, улыбались, махали руками. От блеска браслетов, сережек и бус рябило в глазах.

Огромные ящеры, жарящиеся над огнем, распространяли изумительный аромат жареного мяса и приправ. Костры трещали, большой барабан гудел. Люк наконец увидел свою мать с сестрами и отцом Мэй и махнул им рукой. Значит, все в сборе и пора начинать.

И, словно в ответ на эти мысли, гудение барабана утихло. Забили в небольшие бубны, созывая людей, и совсем скоро вокруг костров собрались все семьи клана. С одной стороны мужчины – отцы клана были только в штанах, и татуировки на их голых торсах угрожающе скалились драконьими мордами. С другой стороны женщины и дети.

Молитву начали Зик и Рик. Едва замолчали бубны, как их низкие торжественные голоса разорвали ночную тишину. Призывали Настоящую Мать и отца неба Ким-Кигана.

Просили о защите, мудрости и покровительстве. О здоровье, хорошей охоте. О новых детях и новых драконах.

О богатстве и силе. О долгих годах жизни. И еще о том, чтобы никогда не иссякал источник Живого металла.

– Да пребудет с нами благословение твое, Настоящая Мать. Чтобы твоя жизнь наполняла нас и текла в наших жилах. И чтобы твой источник всегда гудел, наполняя Храм Живым металлом, – просили отцы клана.

– А проклятых Городских оставь ни с чем, чтобы не было у них ни силы, ни здоровья, ни удачи, – заговорил Рик хриплым голосом и выразительно посмотрел на отца Мэй, стоявшего вместе с женщинами и детьми.

Люк нахмурился. Таких молитв раньше не возносили, и Городских раньше не проклинали. К чему сейчас этот раздор? Разве не к миру призывала всегда Настоящая Мать? Разве не она придумала правило трапезы, чтобы даже заклятые враги могли примириться?

Но отец Мэй никак не отреагировал на эти слова. Он стоял спокойно и уверенно и вовсе не смущался того, что его причислили к женщинам и детям. И только Люк уже начал понимать: у Городских даже женщины бывают героями и умеют не только рожать детей. Разве не избрала Настоящая Мать Мэй? Разве Мэй не стала Той, Кому Подчиняются Драконы? И Люк улыбнулся.

Он еще напомним людям своего клана о геройстве девушки из Города. Время придет, совсем скоро.

3

Наконец, когда все молитвы были вознесены, пришла пора делить мясо. Тут уже управлялись женщины. Принесли стопки глиняных мисок и чашек, пузатые кувшины с кинелем, огромные блюда с лепешками. Все это было устроено на низких каменных столешницах так, чтобы каждый мог угоститься. Мужчины разделили мясо, и Люк первым делом угостил Мэй.

Протянул ей миску, в которой лежали, наколотые на острые палочки, сочные куски мяса, и сказал:

– Раздели со мной трапезу, Мэй.

Светловолосая глянула удивленно, и тогда, не дожидаясь вопроса, Люк пояснил:

– В День Затмения принято мириться с врагами, разделяя трапезу. Я тоже хочу, чтобы между нами не осталось никакой вражды. Теперь ты мой друг через трапезу, теперь я всегда буду помогать тебе и заботиться о тебе.

Люк протянул миску, и Мэй, сложив ладони лодочкой, осторожно приняла ее. Сказала очень серьезно, без тени улыбки:

– Теперь мы друзья по трапезе, а не только через Енси?

– И через Енси тоже. И через трапезу. Мы завязали наши узлы так крепко, что никакой ветер не сможет их разорвать. Но это еще не все. Сейчас ты увидишь. Ты хочешь? Ты хочешь быть связанной со мной?

Люк смотрел в глаза Мэй, и ему казалось, что мир сужается и теряется во взоре светло-волосой. Не остается ничего – ни белого, яростного Буймиша, ни огромных шумных костров, ни мягкого песка под ногами. Лишь только внимательное лицо Мэй с ее сияющими глазами.

– Я хочу быть с тобой связанной, – совсем тихо проговорила она.

– Тогда я завяжу все узлы. Раздели со мной дорогу, девушка. – Последняя фраза была ритуальной. Ее произносили тогда, когда выбирали невесту. Мэй об этом не знала, но она догадывалась. Люк это понимал. Она угадывала сейчас сердцем, она не дрожала, не боялась и не волновалась. Взгляд ее удивительных глаз был тверд, как никогда.

– Я разделю с тобой дорогу, – ответила она.

И тогда Люк направился к одному из музыкантов. Еда была почти съедена, и люди жаждали песен и танцев. Почему бы не начать сейчас?

Забили узкие тоненькие барабанчики, заиграли толстые струны игонов, загудели имузы, разливая мелодичные звуки в фиолетовой темноте. И Люк запел.

У него был низкий, глубокий бас, идеально переплетающийся с музыкой. Слова песни складывались сами собой. О храбрых мальчишках, что оседлали отцовского дракона. О мужчине из Города, который не оставил мальчиков в беде и сразился с коварными Вурногами. О дочери Городского, девушке со светлыми волосами, которая не побоялась сесть на дракона и помочь своему отцу. О славной охоте, о лекарствах, могущих избавить от песчаной лихорадки.

Люк пел, и его слушали. Молчали женщины, согласно кивали головами мужчины. Язык песен был понятен всем. Истории о храбрых любили, и отважных людей уважали. Неважно – Городской или Всадник. Человек показал себя храбрым, сильным и честным. И эти качества всегда ценились у Всадников.

После Люка затянули песни другие Всадники. Каждый мог рассказать о своей семье что-то хорошее. Кто-то пел о новых детях, кто-то о новой жене. Кто-то о силе своего дракона и об успехе своих охот.

Но самую первую песню Люка будут помнить долго. Наверное, всегда. Потому что еще никогда в песках Камлюка не пели о храбрости Городских.

Глава 6

Мэши. Ритуальные танцы, планы на будущее и новая угроза

1

Люк шел к ней через целую толпу людей. Мимо покрытых свирепыми татуировками мужчин, мимо разодетых в яркую одежду женщин. Мимо снующих под ногами детей. Он смотрел на нее, и Мэй не могла оторвать глаз от высокого черноглазого Всадника.

Белая рубашка как нельзя лучше оттеняла смуглую кожу Люка. Пояс подчеркивал стройный торс, черные волосы доставали до плеч. Еле заметно блестел крохотный красный камушек в единственной сережке.

Мэй нравилось в Люке все, каждая черточка, каждая линия. Его голос, его жесткие ладони, его манера кривить губы и показывать пятерню. Только что он пел о Мэй. Восхищался ее храбростью и называл Владычицей Драконов. А сейчас, когда фиолетовая темень наполнилась быстрыми звуками музыки, когда ритмично и весело застучали барабаны, сейчас Люк шел навстречу Мэй, и это значило, что пришло время танцев.

– Пусть молодые воины выберут себе невест, – объявили отцы клана.

Вокруг костров образовался большой круг, у самого края которого поместились музыканты с барабанами, бубнами и незнакомыми струнными инструментами. И воздух задрожал от музыки, и захлопали в ладоши женщины, собирая вокруг себя девушек.

Люк приблизился, поклонился и тихо велел:

– Просто повторяй все движения за мной.

Возможно, он был не совсем уверен в Мэй. Но здешние танцы оказались несложными. Люк двинулся внутрь круга, отступая назад и поднимая руки вверх. Пару раз подпрыгнул, и Мэй повторила за ним. Раз, еще раз. Тело стало гибким и послушным, музыка увлекла. Каждое движение Люка отдавалось в конечностях электрическим разрядом, каждый удар барабана разгонял и без того разгоряченную кровь.

Мэй хлопала в ладоши, подпрыгивала, поворачивалась, двигала бедрами и улыбалась, глядя в глаза Люка. Все быстрее и быстрее били барабаны. Все ритмичнее и ритмичнее музыканты ударяли по струнам. Люк приблизился, и его дыхание опалило щеки. Его ладони легли на талию, заставляя сердце стучать в бешеном ритме, его глаза оказались совсем рядом.

Мэй двигалась без остановки, и танец захватил ее всю. Движения становились все откровеннее, все быстрее. Бедро, грудь, руки. Летящий в лицо песок, взметающийся за спиной костер. Хлопающие ладони множества людей.

И Люк, совсем рядом, совсем близко. Вот ритм стал замедляться, музыка утихать. Люк прижал ее к себе, заглянул в глаза без улыбки, без сомнений. И поцеловал в губы.

Мэй ответила, впуская в себя новое, странное чувство, и поняла, что пропала.

Она целовала Люка на виду у всего клана и чувствовала себя счастливой.

2

После им долго хлопали и что-то кричали. Но ни Люк, ни Мэй уже не прислушивались. Мелькнуло удивленное лицо отца – видимо, он все понял.

Мэй тоже слишком хорошо все понимала.

Она не сможет оставить Люка. Уже не сможет. Она попала слишком крепко.

Да разве и могло быть по-другому?

Все было предрешено, предопределено и запечатлено. Качался на груди Третий Ключ, теплый и живой. Стучало внутри сердце, пылал в небе белый Буймиш. Настоящая Мать все знала, и в тот день, когда Люк первый раз увидел Мэй – именно в тот день, – протянулась первая ниточка между ними двоими. Тогда, когда рука Мэй первый раз легла на шею Енси, уже тогда все было ясно.

Мэй и Люк сбежали от людей и костров и укрылись у теплого бока дракона. Того самого дракона, что так странно и непостижимо соединил их. Оба молчали. Слишком многое произошло, чтобы можно было это так просто оформить в слова.

Да Мэй и не желала сейчас разговоров. Она прислушивалась к своим ощущениям и понимала, что счастлива. Именно этого ей и хотелось на самом деле. Дикий танец на горячем песке под белым светом Буймиша. Под звонкие хлопки и гулкие удары барабана. Ей хотелось по-новому почувствовать свое тело, открыть новые и необычные ощущения. Стать взрослой – а эта ночь была ночью взросления.

Стать взрослой и самостоятельной. Много раз Мэй думала об этом, когда жила в Первом Городе. Тогда она считала, что взрослость – это хорошая работа, ответственность, возможность приносить пользу Городу и возможность заниматься любимым делом. Так их учили в школе, так им объясняли учителя.

А на деле оказалось, что взрослая жизнь – это необъяснимые, мощные эмоции, накрывающие с головой. Это возможность танцевать под Буймишем с тем, кого любишь. Это бешеная, яростная свобода, возможность уйти ото всех и сидеть с любимым человеком под боком огромного робота-дракона и чувствовать на своей талии его руку.

Взрослая жизнь – это возможность любить и быть любимой.

И это Мэй нравилось! Это очень сильно нравилось!

Потому она улыбалась в темноте и, с трудом переводя дыхание, глядела на Люка.

Люк молчал. Загадочно улыбался и слегка сжимал ее руку. Мэй заговорила лишь тогда, когда сердце успокоилось и перестало высккивать из глотки.

– Что теперь? – тихо спросила она.

Люк задумчиво почесал подбородок, хмыкнул и бесцеремонно заявил:

– Я тебя люблю. По-настоящему. Не по договору. Ты сводишь меня с ума, светловолосая Мэй.

– Мог бы и не говорить. Это и так ясно. Я тоже втрескалась в тебя по самые уши. Мы сошли с ума, да?

Люк засмеялся, прижал Мэй к себе и проговорил с явной хрипотцой в голосе:

– Ты все еще хочешь уйти в Плавающие дома?

– Я не уйду от тебя, Люк. Видимо. Даже думать об этом не могу. И я хочу летать на драконе, слышишь, Люк?

– Отлично. Я тоже хочу, чтобы ты летала на драконе.

– Но! – Мэй подняла указательный палец и потрясла им в воздухе. – Я не собираюсь целыми днями сидеть в ваших этих палатках и прясть шерсть. Не собираюсь доить мьёков и пасти их. И не собираюсь рожать каждый год по ребенку. У твоей мамы сколько детей? Семеро? Я даже имен столько не смогу запомнить.

Люк засмеялся. После проговорил:

– Остановимся на пятерых.

– Сидеть с ними в палатке я не стану, не надейся. Дракон, который выведется, будет мой. И я привяжу своего первого ребенка к себе в рюкзачке или сумке и полечу. Слышишь? Даже если у нас будут рождаться только девочки – они все будут летать на драконе.

– Отлично! Мэй, это же отлично! Что может быть лучше такой жenuшки? А ткань нам и мои сестры наткут. Главное, что мы будем с тобой летать.

– Мы точно сошли с ума, сидим тут и обсуждаем наших будущих детей. А мне еще нет и семнадцати Буймишей. Отец меня отругает и назовет дурочкой...

– Твой отец и сам вовсе не так ровно поглядывает на мою мать, я видел. Гляди, как бы на следующий год твой отец не станцевал ритуальный танец с моей матерью. Ничего не бывает зря, поверь.

– Тогда мы оба с ним будем сумасшедшими. Но отец точно не пожелает летать на драконах. Он не того склада. Вот придумать вам что-нибудь дельное он может. Новую печь сложить, еду готовить и много чего другого может. Но только не полеты, это не его стихия.

– Это неважно. Важно, что ты останешься со мной и у тебя будет свой дракон. Хотя я предпочел бы, чтобы ты летала вместе со мной на Енси.

– Мне тоже нравится, когда мы вместе.

В этот момент Мэй показалось, что она что-то слышит. Звуки песен, барабанов и людской гул долетали до них с Люком, но слабыми отголосками, так, что казались просто далеким фоном. А еще она сейчас услышала хлопанье крыльев. Очень тихое, очень осторожное. Хлопанье множества крыльев.

Она подняла голову, выбралась из-под крыла Енси и пробормотала:

– Сдохнуть можно... Посмотри, Люк, это же...

Люк поднялся, встал рядом и тут же дернулся к сумке:

– Энергики! У меня есть энергиики! Вставляй в Енси, и я поднимаюсь в небо! Надо поднять тревогу! Надо дать отпор! Сейчас ночь, и наши драконы не поднимаются на крыло!

– Я с тобой!

– Нет! Тебе надо спрятаться в Костровой Башне, куда уйдут все!

– Я с тобой! – И Мэй взлетела в седло.

Люк метнулся к драконьему хвосту, а через мгновение уже сидел в седле за ее спиной.

Над их головами в залитом призрачным светом небе длинными рядами пролетали пангусы с Городскими на спинах. Это было нападение. Это была война.

В этот раз Мэй придется воевать против своих.

Глава 7

Мэши. Там, где нет Настоящей Матери

1

Ополченцев было столько, что казалось, будто фиолетовая темень неба дробится на части, рождая новых и новых воинов на ящерах. Хорошо выдрессированные животные летели молча, и лишь сухие хлопки крыльев возвещали об их присутствии.

Расчет был верен. Ночью драконы не летают, и мощное войско Всадников не сможет дать отпор.

Мэй растерялась, не зная, что теперь делать.

Послушный Енси тихо взмыл в небо вертикальной, резкой линией и мгновенно набрал высоту. В него полетели стрелы, но Костровая Башня оказалась хорошим укрытием, и дракон остался невредимым. Он залетел за спасительные стены, стал подниматься вверх и, как только оказался над пангусами, издал свирепый хриплый крик, наполнив воздух яростным огнем из глотки.

– Ты будешь жечь? – задохнулась Мэй.

– Иначе они будут жечь нас! – крикнул Люк.

– Нет, лучше стрелять по ящерам! Пусть падают в песок, а воины уже сумеют с ними сразиться. Люк, они все совсем молоды, они еще дети! Я тоже могла бы быть на этом ящере, если бы отец меня не увел!

Люк не ответил. Мэй почувствовала, как напряглись его руки. Вот появился арбалет, вот легла в паз стрела. Люк не промахивался. Каждый его выстрел нес смерть пангусу: длинные стрелы попадали прямо в головы.

Ополченцы падали вниз под короткие хрипы погибающих животных. Некоторые из них поняли, что враг над головой, но стрелять в того, кто летел гораздо выше, было неудобно. Хотя увидеть – проще простого. Свет Буймиша, слабый, ровный, заливал и фигуры ополченцев, и грозного Енси. Но он был один против сотни, и его не боялись. Пусть несколько пангусов рухнуло вниз, остальные летели к самому костру – и тишину разорвали взрывы.

Песок вздрогнул, темнота озарилась желтыми всполохами. И Мэй поняла, что ополченцы кидают взрывательные шары прямо в гущу людей. Не жалея, не выбирая. Туда, где находились

Ник и Жак, малышки Гимья и Ейка. Там, где совсем недавно нарядные женщины хлопали в ладоши, а Люк приглашал танцевать Мэй.

– У меня нет выбора, Мэй, – жестко и горько проговорил Люк. – Прости, но у меня нет выбора. Енси, огонь на поражение, всех!

И дракон изрыгнул пламя. Огромное, мощное, всепоглощающее пламя, охватывающее одного пангуса за другим. Спасения не было для тех, кто попадался на пути дракона. Никому. Видимо, ополченцы не рассчитывали, что останется дракон, способный летать. Такого раньше не случалось. Потому ровные ряды охватила паника. Крики боли звучали теперь не только внизу, но и в воздухе.

А Енси не останавливался. Его чешуя вибрировала от ярости, его глотка издавала яростный рев, его пламя бушевало. Теперь воняло горелым мясом и раскаленным песком. Свистел в ушах воздух, и трепались за спиной волосы. Один на сотню пангусов – это слишком мало, но только если ты не огромная машина-робот, не знающая страха, не испытывающая усталости, не колеблющаяся при виде опасности.

Пангусы не выдержали. Их инстинкты оказались сильнее дрессировки, и они стали снижаться, ломать строй и уходить. Некоторые сбрасывали с себя ополченцев-наездников, и те летели вниз. Некоторые ящеры, охваченные огнем, издавали жуткие, страшные крики и пытались хоть как-то спастись.

Мир пылал. Внизу горели костры и ямы от взрывов. Вверху горели люди и ящеры. И над всем этим реял огромный яростный дракон.

Не совсем скоро, но пангусы убрались: видимо, ополченцам отдали приказ отходить. Многие остались внизу, обугленные и страшные...

Люк наконец посадил машину и кинулся помогать тем, кто выжил. Мэй осталась сидеть на драконьем седле. Перед ее глазами расстилось страшное пепелище, на котором горе людей смешивалось с болью и страхом.

– Почему? Почему? – шептала Мэй.

Ей казалось, что земля вот-вот разойдется и появятся мощные корни Деревьев-Гигантов, которые наведут тут покой и порядок. Вот если бы они появились, если бы они помогли!

Не появятся. Тут же песок! А Гигантам для жизни нужна земля. Нужна Настоящая Мать.

А здесь нет Настоящей Матери, здесь люди живут, как сироты, и убивают друг друга. Здесь их ничто не сдерживает...

2

Отец Гайнош, мать Еника и все девочки остались живы. Возможно, это было чудо. Ник получил довольно сильные ожоги – его руки по локоть были покрыты ранами. Он кричал, пока отец обрабатывал его раны.

Мэй и Люк слетали за лекарствами, теми самыми, что удалось наворовать в Третьем Городе. Но их было так мало, так мало!

Никто не покидал место у Костровой Башни, все ждали восхода. Обрабатывали раны, особо тяжелых уносили в Башню. Отец ходил от одного человека к другому, очищая, перевязывая ожоги, поддерживая уцелевших и закрывая глаза умершим. Он лишь коротко обнял Мэй и проговорил в самое ухо:

– Береги себя, Мэши... – и все.

И больше никаких разговоров. Ни слов утешения, ни слов ободрения. Ободрять было нечем, как и утешиться. Погибло слишком много людей, и среди них тот славный и храбрый воин с драконом на груди, назвавший Мэй избранницей Настоящей Матери.

Погибших складывали прямо на песок, у все еще пылающих костров. Мэй не подходила к ним, потому что в этот самый момент ее охватил ужас. Она поняла, что никогда – никогда! –

не услышит голосов погибших людей. Не увидит их блестящих глаз, не почувствует их тепло и дружбу.

Те самые люди, которые совсем недавно хлопали ее танцу, сейчас мертвы.

Почему? Почему это случилось?

Ответа не было. Сама война казалась чудовищным, несправедливым злом, которое невозможно было остановить. Как называлась та штука, которая открывалась Третьим Ключом?

«Смертельная Опасность» – вот как это называлось. «Смертельная Опасность» поглощает все живое на планете Эльси. И людей поглощает тоже. Люди сами становятся «Смертельной Опасностью» и несут гибель друг другу. Люди становятся вирусом. Страшным, опасным вирусом злости и ярости, не имеющим жалости, не имеющим милосердия.

Но почему? Почему?

Никто не сможет ответить на эти вопросы. Никто не знает. Никто не ведает.

Все они заложники своей сущности, как Цемуки стали заложниками своей звериной сути.

И может быть, все они такие же звери, как Цемуки, только имеют вид людей, а на самом деле внутри – жуткие монстры. Только монстры могли оставить после себя обгорелые трупы женщин, детей, мужчин.

И Мэй только что, совсем недавно летела на драконе, который сжигал людей. Живых людей. Сжигал огнем, сеял смерть и ужас.

Все повязаны в страшном клубке войны, нет ни правых, ни виноватых.

Люк сказал, что ополченцам нужен источник Живого металла, что только ради этого они совершили ночной налет.

– Пока наши драконы бессильны, они надеялись попасть внутрь Костровой Башни.

– И что это даст?

– Подземный ход, ведущий в Храм Живого металла, начинается там. Его непросто найти, но они бы взяли кого-то в плен и выпытали. Верное дело, они все рассчитали.

– У них не вышло.

– Да, не вышло. Зато они умудрились уничтожить нескольких драконов. Для клана это большая потеря. Если сейчас уцелевшие отцы отыщут платы, оставшиеся от машин, мы вырастим новых роботов. Но если чей-то дракон не успел оставить плату, то клан окажется в бедности и слабости. У нас не будет достаточно машин, чтобы остановить нападение в случае войны.

– Нам надо привезти еще лекарств, на всех не хватит, – ответила ему Мэй, чувствуя, как расплзается внутри пустота.

– Надо еще лекарств. И слетать и проверить, как там остальные кланы. Еще много чего надо сделать.

Люк замолчал, посмотрел на Мэй черными, полными горечи глазами и тихо добавил:

– Агинья погибла. Та самая, которая приезжала ко мне. Мэй не ответила ничего. Сухой и жесткий ком встал в горле, но слез не было. Только горечь и песок на губах. Только сажа и пепел. Только жар и пустота.

Люк убедился, что сестренки в порядке и младшие девочки уже укрыты за стенами Костровой Башни, а после сказал, беря Мэй за руку:

– Нам надо наведаться в соседние кланы. Вот-вот наступит рассвет, и тогда драконы встанут на крыло. У нас есть еще энергик для машины. Я рассказал отцам клана, как можно заставить машины летать ночью, у них тоже есть энергик. Они останутся тут защищать народ. А мы полетим в соседние кланы и узнаем, как у них дела. Вдруг там тоже нужна помощь. Я... – Люк замялся, тревожно всмотрелся в лицо Мэй и продолжил: – Я хотел бы, чтобы ты осталась тут, под присмотром отца, и тогда мне было бы спокойнее... но ведь ты не останешься.

– Нет. Я буду с тобой. – Мэй сжала ладонь Люка. – Я буду только с тобой. Так будет спокойнее.

– Значит, летим.

3

Енси снова поднялся в небо, оставив позади пепелище и смерть. Мэй боялась смотреть вниз, но от жуткого зрелища негде было укрыться. Мертвые тела ополченцев, опаленные огнем и слегка присыпанные песком, казались беззащитными и печальными. Среди них могли быть знакомые. Друзья, может, даже одноклассники. Те, с кем когда-то Мэй дружила, играла, общалась.

Внизу лежала часть ее жизни, уничтоженная навсегда.

И у Мэй просто не было выбора! Она не могла ничего сделать!

Зачем, ну зачем они прилетели в Камлюки?

Ради Живого металла? Опять война за драгоценный металл, рождающий могущественных роботов? Только Городским-то он зачем? Что это даст? У них ведь нет плат кроме леков, они не смогут вывести ни одной машины. И создать тоже не смогут!

Енси между тем обогнул длинный оранжевый отрог горной гряды, и в слабом розовом свете восходящего Светила Мэй увидела еще одно пожарище. Разрушенные стены Костровой Башни, развороченные части драконов. Мертвые тела людей и все еще догорающие костры.

– Это был клан Мигаев, – тихо проговорил Люк.

Навстречу им вынырнул неповоротливый дракон: ему едва хватало розовых лучей Светила, чтобы немного подняться над землей. Махнув рукой, Всадник приказал Люку и Мэй спускаться.

Енси сел в песок, и к ним тут же направились мужчины – те, кто уцелел. Их было не много, раненных, уставших и почерневших от горя.

– Да будет к нам милостива Настоящая Мать, – проговорил Люк, спускаясь вниз. – Я из клана Рика-Им-Наи. Нам удалось отбить нападение, наши машины уцелели. Почти все.

– У нас большие потери. Половина драконов обездвижена, но их можно восстановить. Трое взорваны, из них лишь один успел оставить плату, – пояснил человек с перевязанной головой и ярко-оранжевой накидкой на оголенных плечах.

– Что это за девушка у тебя на драконе? – спросил еще один, высокий и худой воин.

– Это моя невеста Мэй, она избрана Настоящей Матерью, – поторопился пояснить Люк.

– Мы слышали о ней, – сказал воин с повязкой на голове, и остальные мужчины закивали. – Предсказания сбываются. Часть предсказаний. Осталось только увидеть белых зверей – и война вернется. Она уже возвращается, война за Живой металл. Напали на все кланы, и на Вурногов тоже, и их источник захвачен. Мы не пришли на помощь, потому что вынуждены были защищать наших жен и детей.

– Мы тоже не смогли прийти на помощь. Драконы наши не летают по ночам. Только мой дракон – и то, потому, что Мэй-Си сумела прочесть знаки на его хвосте и воспользоваться камнями энергии. Драконы могут летать, если есть энергетики. Достаточно вставить в пазы у хвоста несколько штук, – устало проговорил Люк.

– Откуда вы знаете, что источник Вурногов захвачен? – осмелилась спросить Мэй.

– Мы видели пожарище с нашей Костровой Башни. И мы видели, как ящеры опускались на крышу башни. Источник Вурногов слишком близко к поверхности, он совсем рядом. До него легко добраться. Мы видели, как Городские ополченцы напали, но не видели, как они улетали. А те, что были у нас, направились в сторону Вурногов, – пояснил высокий и худой.

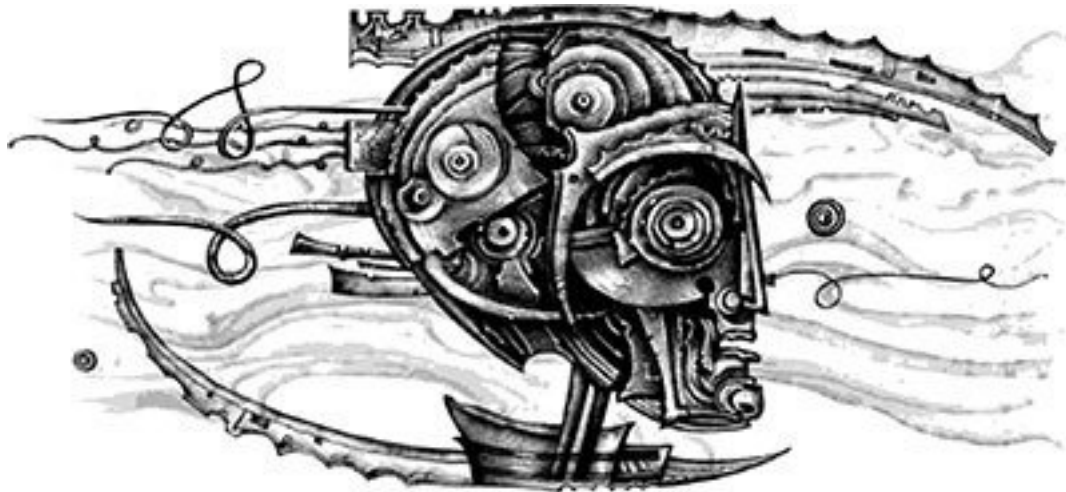
Остальные молча кивали.

– Вурноги не исполнили свое предназначение и не сохранили источник Живого металла, – добавил воин с небольшим дракончиком из красного металла на шнурке.

Глава 8

Люк. Работы предстоит немало

1

Светило поднималось медленно и тяжело. От бессонной ночи и усталости ломило в затылке и хотелось лечь и уснуть. Чтобы без сновидений, без звуков, без мыслей. Чтобы забыть мертвые лица знакомых и друзей, забыть посеревшее лицо матери и застывшие глаза Мэй.

Мэй! Его Мэй, которой пришлось сегодня воевать против своих...

Она всегда переживала лишь об одном: чтобы не убивать. Желала этого больше всего, была готова пойти на уступки. Ее трепетное отношение к человеческой жизни тронуло Люка, и какое-то время он думал, что так можно. Так выйдет, так получится. Изредка воровать и никого не убивать.

Теперь не осталось ни надежды, ни веры. Ничего не осталось.

Мир рухнул в одночасье. Развалился на куски.

Они вместе с Мэй слетали несколько раз за водой, чтобы наполнить резервные бочки в Костровой Башне, затем еще два раза за дровами. Большая часть драконов оставалась в воздухе и охраняла народ от нападения. Несколько машин заботилось об уцелевших мьёках. Мьёки были залогом выживания, источником еды и питья. Перевезти их к Костровой Башне было нереально и невозможно, потому животных постарались собрать в резервные загоны.

Беременные матки вот-вот должны разродиться. Они, конечно, справятся и сами, без помощи людей. Но их надо было кормить, поить и чистить загоны. Прямо сейчас, прямо сегодня. А люди еще не похоронили своих родных: мужей, жен, детей, отцов, матерей... Погибших было так много, что скорбь заливала, захлестывала с головой.

Семье Люка в этот раз повезло, неслыханно повезло. Все целы, и даже Ник с его обожженными руками уснул после того, как мать напоила его кинелем и устроила на толстых шкурах в удобной нише в Башне. Дети и женщины все еще оставались под прикрытием: было неясно, чего следует ожидать к ночи.

Мужчины поговаривали о совете всех кланов Инимаитов, но для этого надо было собраться где-то в одном месте, оставив женщин и детей одних. А это явная опасность. Кто его знает, когда вернутся ополченцы? В том, что это только начало, никто не сомневался.

Пока решали главные, основные проблемы. Вода, еда, лекарства и безопасность. В Костровой Башне было четыре уровня, круглые помещения которых имели удобные ниши-комнатики с небольшими очагами, скамейками, каменными полками и множеством мешков с мукой и тимайю. Так было принято у них в клане, что после каждой удачной охоты немного злаков ссыпали в хранилище Башни, на «трудные времена». Надеялись, конечно, что такие времена не скоро настанут.

Вот теперь эти запасы оказались как нельзя кстати. Еще Люк намеревался забить одного мьёка и раздать его мясо тем семьям, чьи мужчины были заняты охраной или ранены. Остальных животных требовалось загнать в пещеру, налить им воды и накидать травы. И только после этого можно будет лететь к Башне и хоть чуть-чуть поспать до наступления ночи.

Люк не медлил. С собой он прихватил Жака. И еще с ним была Мэй. Светловолосая не оставляла Енси, вместе с Люком набирала и таскала воду, рвала траву и не жаловалась на усталость и сонливость. Сжимала губы, вытирала пот с лица, хмурила брови. И молчала.

Ни жалобы, ни стонов, ни слез. Она и так была не слишком болтливой, его Мэй. А сейчас и вовсе замкнулась. Снедала ее внутренняя боль, Люк это понимал. Он не знал, как помочь, не знал, чем утешить. Может, чуть позже, когда все будет сделано, когда можно будет хоть немного разогнуть спину и скинуть напряжение.

К мьёкам Мэй тоже полетела вместе с Люком и Жаком. Светило все еще скрывалось за Буймишем, посылая на землю скупые лучи света. Снова поднялся ветер, воздух наполнился песком, и пришлось направить машину как можно выше, чтобы не скрипели на зубах песчинки и не засыпало глаза. Пустыня не поменялась за эту страшную ночь. Все так же темнели ярко-оранжевые барханы, все так же выделялись на их фоне коричневые палатки. Только жара отступила, и долгожданная прохлада немного остужала кровь.

Мьёки нервничали – впрочем, они так всегда вели себя на Затмение. Самочки должны были вот-вот принести приплод, и их железы вырабатывали особые вещества, которые улавливало остальное стадо. Это были особые дни, и мьёки беспокойно передвигались по загону, гудели, наклоняли головы и грозили друг другу рогами.

Впрочем, до стычек не доходило, единственный самец, которого в это время запускали в стадо, умел навести порядок. В это же время и происходило зачатие новых детенышей. Дни Затмения были слишком важны, чтобы пропустить их.

– Хвала Настоящей Матери, ополченцы не навредили мьёкам. То ли не заметили, то ли не понимают, что это такое. Без мьёков мы обречены на вымирание, – пробурчал Люк, спрыгивая на землю.

Мэй слезла за ним и сказала:

– О мьёках не знают.

Люк оглянулся и вдруг приблизился и прижал Мэй к себе. Крепко и жарко. Прошептал, пряча сквозящую горечь в голосе:

– Прости, Мэй. Прости, пожалуйста...

Мэй не отвечала, но тут и не было ответа. Что она могла сказать? Разве словами вернешь умерших?

– Ты меня тоже прости, Люк. Это же наши... Это все сделали наши...

– А до этого нападали мы. Правых нет, все виноваты...

Мэй обхватила руками его шею и поцеловала в губы. Это был первый поцелуй, который она начала сама. Первый раз она сама поцеловала Люка.

Захотелось кричать. Захотелось бить по чему-нибудь или по кому-нибудь. С силой, с яростью.

Не так хотел Люк строить отношения с Мэй, не так хотел целоваться. Они мечтали о вечерах на острове, о костре, о реке, о фруктах. Вот тогда они бы целовались, жарко и страстно. Но не сейчас, не теперь. Не с песком на губах и черным пепелищем в сердце...

Будь она проклята, эта война!

Люк отстранился и глухо сказал:

– Нас ждут большие беды, Мэй. Тебе и моим сестрам надо спрятаться. Отцы клана Мигаев правильно сказали о пророчествах. Белые Цемуки уже появились. И появилась ты. О тебе тоже было предсказание, правда, до конца его не смогли прочесть. На стене в Храме Живого металла.

– Почему не смогли прочесть до конца?

– Потому что не все знаки мы помним. Утратили старые знания. Но может, однажды ты прочтешь нам все, что начертано на стенах Храма Живого металла.

– Если я туда попаду.

– Попадешь. Возможно, новых драконов будут выводить уже этой ночью. Если только не будет нападения.

2

Мэй не дрогнула и не отвернулась, когда Люк метким выстрелом в лоб завалил здоровенную самку-мьёка. Светловолосая была рядом, пока он вместе с младшим братом сливал кровь, снимал шкуру, вытаскивал внутренности и сжигал их на огне. У мьёков ели только мясо. Потроха сжигали, это считалось «гадким мясом». Почему – сейчас уже мало кто из Всадников мог объяснить. Старое правило, сохранившееся с древних времен.

Да и не нужны были эти потроха. Мясa было столько, что Люк, щедро пересыпав солью и терпкими приправами, набил им пять больших кувшинов. Здоровенную шкуру он еще раз зачистил специальными скребками и растянул сушиться на длинных палках. Через сутки ее можно будет замочить в особом растворе, а после еще раз вычистить и растянуть для окончательной сушки. Потом уже мать вычесет шерсть, скроит квадратное одеяло и обработает края цветными нитками.

Мэй только наблюдала. Сказала, что работа трудоемкая и долгая, – и больше ничего.

Но зато после несколько дней обработки шкура станет меховым одеялом, согревающим в ветреную ночь. Такое одеяло служит долго и незаменимо во время долгих ночевок около мьёков.

Уже когда были погружены кувшины с мясом и зарыты в песок остатки костра, раздался низкий рев одной из самочек. Люк кинулся к отдельным загонам, глянул и вернулся.

– Начались роды. Теперь их лучше не беспокоить, иначе они сильно нервничают.

Остальных мьёков загнали в пещеру. Там было темно, и это раздражало животных. Ничего, придется этим большеголовым малость потерпеть, пока не утрясется с клятой войной...

Каменная пластина с тихим стуком закрыла пещеру, последний раз скрипнуло опускающее колесо, и Люк взлетел в драконье седло.

Бросились в глаза ладони Мэй с вьевшимся травяным соком – она сегодня рвала траву не меньше других. Люк положил руку на шею Енси и нечаянно дотронулся пальцами до руки Мэй. На самом деле ему хотелось обнять светловолосую и уже не выпускать. Хотелось чувствовать ее кудряшки на своих щеках, ее дыхание, слышать ее голос совсем близко, совсем рядом. Но впереди было еще немало дел, и Люк хлопнул дракона, приказывая ему возвращаться к Костровой Башне.

– Погнали! – с готовностью прокричал за спиной Жак. Между тем Светило окончательно освободилось от Буймиша и теперь заливало прощальным пурпуром оранжевые, потемневшие пески. Все горело в огне гнева и отчаяния. Пустыня пылала в последних лучах, и Люку приходилось щуриться, иначе яростные лучи слепили глаза.

Скоро оказались над опустевшими палатками семьи, над погасшей печью и осиротевшим общим столом. Теперь никто уже не мог знать, когда семья Люка сможет вернуться в свой дом, когда эти палатки опять наполнятся детскими голосами. А может быть, уже к утру палаток и вовсе не останется.

Потому растянутая на просушку шкура мёка будет как нельзя кстати.

Люк посадил дракона около родного гнезда и велел Мэй и Жаку прихватить как можно больше одеял и покрывал.

– И подушки тоже берите. А твой рюкзак, Мэй, с драконьей платой и так с нами. И пусть будет с нами всегда.

Ночь они проведут в Костровой Башне. И следующую тоже наверняка. Так что лучше устроиться с комфортом, в тепле и уюте. Чтобы и малышки не на холодном камне сидели, а на удобных подушках и одеялах. Люк даже прихватил их нехитрые игрушки – тряпичные куклы и разноцветные лоскутки. Пусть хоть немного поиграют, авось ужас войны и забудется. Дети ведь все-таки...

И вот нагруженный Енси снова поднялся в небо. Оставалось совсем недалеко, и тут у Люка родилась довольно здравая мысль. А что, если заставить Енси подняться как можно выше и долететь до Вурногов? И посмотреть, что там делают клятые Городские? Это не так далеко, как кажется, всего лишь за два горных отрога. Если быть на достаточной высоте, то пангусы могут даже и не заметить.

Главное, вовремя убираться оттуда. Так и надо сделать.

Люк хлопнул по шее Енси и приказал подниматься вверх. Как можно выше и как можно быстрее.

3

– Ты рискуешь и очень сильно. – Мэй разгадала его маневр без труда.

Может, потому, что и сама думала о том же.

– Только один круг – и все. Один круг – и убираемся. На высоте. Зато будем знать, что у них творится...

– Возможно, ваши уже слетали и все знают.

– Возможно. Если у них нашлось достаточно времени и свободных машин. Не забывай, часть драконов пострадала. А вода и еда нужна всем, не только нашей семье.

– То есть ты думаешь, что никто не нашел времени для разведки?

– Я могу ошибаться. Но мы это сделаем.

Мэй только кивнула в ответ и вытянулась вперед, поглаживая чешую дракона.

Его Мэй – храбрая девочка, и она не спорит. Если надо делать – она делает. Если надо лететь – она летит. В этом вся Мэй, и так было всегда.

Светило почти опустилось к барханам, когда внизу промелькнули острые вершины скал и сразу за ними показались остатки разрушенной Башни Успокоения. Два ее узких зубца, поднимающихся над крышей, превратились в жалкие обломки, в верхнем уровне зияла здоровенная дыра, черные узкие окна казались пустыми и пугающими.

Выход из башни был тщательно расчищен от песка, а на проглядывающей скале стоял ряд странных высоких фигур. Лучи Светила отскакивали от их серых сверкающих тел и разливали в воздухе странное красное свечение. Будто сам воздух был наполнен кровью.

Длинные руки фигур доходили почти до колен, а на гладких головах не было и намека на волосы.

Они были роботами, эти блестящие высокие фигуры. И они подчинялись Городским. Ровными рядами роботы выходили из Башни Успокоения и строились, строились на песке, чуть дальше от входа.

– Что это такое? – прокричал за спиной Жак.

– Я знаю, что это, – с потрясающим спокойствием проговорила Мэй. – Я догадываюсь. Это леки, которых напоили Живым металлом и которые стали большими роботами. Вот для чего предназначались наши леки! Они должны были стать роботами-убийцами. Или роботами-работниками. Что прикажут хозяева, то они будут делать.

– Они нападут на нас ночью, – резко сказал Люк. – Енси, давай назад, к Костровой Башне. Надо подготовиться к атаке.

– Зачем им нападать? – засомневалась Мэй. – Источник у них есть, Вурногов они уничтожили. Зачем им нападать?

– А зачем им роботы? Как думаешь? У Вурногов был только источник, а сам Храм Живого металла у нас. Там хранится немало секретов, которыми Городские хотят обладать.

Мэй больше ничего не ответила. Да и не нужно было ничего отвечать.

Глава 9

Мэй. Живой металл разговаривает только со Всадниками

1

Голова у леки была гладкой и ровной. Совсем небольшой – легко уместилась бы в ладони. Он ходил рядом с отцом и помогал с приготовлением еды, а детвора, окружив загадочную игрушку, повизгивала, тыкала в него пальцами и то и дело желала потрогать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.